

Александра Глазкина

Институт эмоций

Первый семестр

Александра Глазкина Институт Эмоций. Первый семестр

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30798128
ISBN 9785449057693*

Аннотация

Мое любимое развлечение – мысленно пририсовывать смайлики над головами людей, за которыми я наблюдаю. И это безобидное, казалось бы, занятие приведет меня в странный институт, двери которого есть везде, но не каждому дано их открыть. Теперь мне предстоит научиться управлять эмоциями и разгадать, как связана с ними тайная жизнь города, в котором я живу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	67
Документ №23 от 17.09	73
Глава 9	75
Глава 10	85
Глава 11	99
Глава 12	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Институт Эмоций

Первый семестр

Александра Глазкина

© Александра Глазкина, 2018

ISBN 978-5-4490-5769-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Тридцатник скоро стукнет! – стонет Марта, закатывая глаза.

Мне в такие моменты представляется тридцатник – невнятное существо в пыльно-сером плаще, притаившееся за углом и уже замахивающееся битой. Или нет, лучше, мешком, в котором ютятся несбывшиеся надежды, рухнувшие планы и неоправданные ожидания. В общем, все, что так пугает женщин на пороге нового десятилетия.

Мне Марту не понять. Во-первых, мне только двадцать четыре (что является постоянным объектом упреков со стороны моей отчаявшейся старшей подруги). Во-вторых, я свой жизненный план выполнила с лихвой, пусть даже не теми путями и способами, какие виделись мне в туманных мечтах. В-третьих, я не слишком-то и стараюсь ее понимать. Марта, при всем моем к ней расположении, – та еще любительница жаловаться и искать во всем и вся недостатки. Ей и повода не надо. Иногда мне даже кажется, что, появившись сейчас в кафе прекрасный незнакомец, который опустится перед ней на одно колено, протянет кольцо с бриллиантом и предложит руку, сердце и особняк на набережной, Марта увидит лишь изъян в огранке камня и мусоринку на лацкане пиджака. Ну, или в чем там положено появляться принцам? А еще уточнит, не тот ли это особняк, рядом с которым рас-

положена шумная ярмарка?

Сетования Марты растворяются в привычном шуме кафе: мягкой музыке, льющейся из динамиков; грохоте кофе-машины; звонках телефонов. Я бы добавила – и в гуле разговоров, – но стоит обвести взглядом зал, и уже понятно, что всемирная болезнь под названием «погрузись в свой айфон» давно и прочно победила тягу людей к общению. Во всем кафе, пожалуй, только мы с Мартой не поддаемся соблазну, хотя полноценным диалогом наше общение не назовешь. Подруга жалуется и хандрит, я, чуткая к ее эмоциям, киваю и поддакиваю в нужных местах. Я давно уже поняла, что Марте не нужны ни советы, ни даже слова сочувствия. Ей нужны лишь свободные уши, к которым, так уже вышло, прилагаюсь вся остальная я (красивее, успешнее и моложе).

Иногда я малодушно решаю, что в следующий раз найду благовидный предлог, чтобы отказаться от встречи, но не выдерживаю. Чувство долга перевешивает здравый смысл, пусть даже после монологов Марты я ощущаю себя уставшей.

Марта, извинившись, уходит в дамскую комнату, а я продолжаю неторопливо рассматривать посетителей, включаясь в свою любимую игру: мысленно навешиваю над их головами смайлики. Ну, те самые, которыми нещадно злоупотребляют в онлайн-переписке.

Клиенту, отчитывающему официанта за увядшие листья салата на тарелке, подойдет красный монстрик с трезубцем

в руках, гневно раздувающий ноздри. Официанту, стойко выслушивающему претензии – унылый смайл, смахивающий пот со лба. Женщине за столиком в углу, чей ребенок увлеченно макает салфетки в малиновый соус, подойдет обезьянка, закрывающая глаза ладошками: смотреть на безобразия нет сил, но и прекратить самоволие невозможно. Девочка-подросток, то и дело расплывающаяся в довольной улыбке при взгляде на экран айфона, наверняка переписывается с любимым мальчиком. Вокруг ее светлой головы так и роятся смайлы с глазами-сердечками.

Что-то странное сегодня творится. Обычно солнечные смайлики преобладают над грустно-сердитыми. Даже если я играю в переполненном автобусе или в бесконечной очереди супермаркета. А сейчас, надо же, сколько негатива! Не иначе как официанты в кофе подмешали окислитель настроения! Или это от Марты разошлись кругами невидимые волны уныния?

– Bravo! – раздается над моей головой восхищенный оклик, и на место Марты непринужденно опускается незнакомец.

Без кольца и предложения, да и прекрасным его назвать язык не повернется: вокруг внушительной лысины пушатся остатки седых волос, круглые очки с толстыми стеклами чудом держатся на кончике носа-картофелины, вокруг шеи в несколько слоев обмотан шарф в сине-оранжевую клетку. Типичный чудак-профессор из анекдотов. Я не удерживаю

юсь, и тут же пририсовываю над лысиной смайл с нервно дергающимся глазом. Ну, а уже потом реагирую:

– Простите?

– Вы так ловко угадываете эмоциональное состояние окружающих, что я загляделся и не заметил, как остыл мой кофе!

Так, только сумасшедших мне не хватало. Оглядываюсь нервно, ища Марту, но мой визави улыбается лукаво:

– Простите, я воспользовался положением и немного задержал вашу подругу. Уж больно не терпелось пообщаться с вами! Скажите, и давно вы так умеете?

– Что именно?

– Ну, сканировать эмоции.

Чудак подскакивает на месте от нетерпения, то и дело поправляя сползающие с носа очки. И, хотя я удивлена, как ему удалось разгадать мою игру, но вида не подаю. Произношу ледяным тоном:

– Не понимаю, о чем вы!

– Да, ладно, милочка, я вас не выдам! Напротив, я хочу предложить вам уникальную возможность свои способности, так сказать, закрепить и приумножить. Грешно такой талант в землю зарывать.

– И все же я не...

– Ладно, ладно, – он торопливо поднимается, – просто на минуту выйдите из образа недоверчивой барышни. Я подожду, пока вы с подругой наговоритесь, а потом позвольте

мне продолжить нашу беседу! И, кстати, вы в курсе, что ваши смайлы не только отражают эмоции людей, но и влияют на них? По крайней мере, еще пару часов после воплощения? Так что аккуратнее!

Чудак, несмотря на внушительное брюшко, ловко выбирается из-за стола и уступает место вернувшейся Марте. Она поднимает аккуратно нарисованные черные брови:

– Ну, ты даешь! На минуту оставила, а к тебе уже клеятся! Правда, типчик тот еще. Не то, что...

И она ведет бровями в сторону окна, где в компании серебристого ноутбука устроился симпатичный блондин в стильном бежевом свитере. У Марты пунктик: где бы мы ни появились, она высматривает потенциальных кандидатов для флирта. Что возьмешь с незамужней девушки под тридцать? И все бы ничего, только Марта раздражается, когда в случае успеха (коим считается взгляд, брошенный в нашу сторону) знакомиться подходят... ко мне. Но я же не виновата!

У Марты слишком настойчивый вид. Над ее лбом ярким неона горит вывеска: «Ищу мужа», а это всегда срабатывает в противовес. Я же своей личной жизнью вполне довольна, а происки Марты меня всегда забавляют. Ну, а как известно, ничто так не распаляет в мужчинах интерес, как полное безразличие к их особе. К тому же, мой внешний вид всегда дает подсказки для завязывания непринужденного диалога.

Правда, парень у окна – не вариант, уж больно он по-

глощен тем, что происходит в недрах его ноута. И Марта, вздохнув, возвращается к нашей содержательной беседе. А я с удивлением обнаруживаю, что при всей своей нелепости, мой давешний собеседник успел заронить искру интереса. Нет, ну, в самом деле, как он мог увидеть мои смайлы, витающие по залу?

Теперь вопрос в другом: как ненавязчиво избавиться от общества Марты? Если ее не остановить, печальный монолог о суетности жизни растянется на часы! Внезапно меня осеняет.

– погоди минуту, – прерываю я Марту и достаю телефон, чтобы отправить сообщение.

– Не ты ли всегда негодуешь, когда собеседники утыкаются в гаджеты, – язвительно замечает подруга.

– Прости, это срочно. Забыла Юсси поручение дать.

Я быстро набираю текст, отправляю и жду. Через пару минут у Марты пиликает телефон.

– Надо же, – радуется она, – Лотта снова решила устроить распродажу! Только до трех часов. Поехали, а?

– Прости, мне нужно еще в магазин зайти за продуктами.

– Ну, тогда я побежала? – Марте хватает воспитания, чтобы уже принятое решение облечь в просящую форму.

– Да, конечно. Удачных покупок!

Она шлет мне воздушный поцелуй и, звонко цокая каблучками, уносится прочь, оставляя после себя флер сладковатых духов. Даже парень отрывается от ноутбука, чтобы

проводить взглядом мою стройную подругу, вокруг которой от быстрого шага закручивается многослойная шифоновая юбка. Я не могу сдержать улыбку. Надо же, какой чуткий радар! Опасность знакомства миновала, а вот полюбоваться на девушку – всегда, пожалуйста!

Парень, оправдывая мою мысль про радар, тут же переводит взгляд на меня. Я поспешно гашу улыбку, но в этом нет необходимости, так как красавчика у окна уже загораживает широкой спиной мой резвый чудак, вновь устраивающийся в кресле напротив. Я жестом прошу его подождать и вновь тянусь к телефону.

– Опять? – смеется Лотта в трубку вместо приветствия. – Когда-нибудь ты меня разоришь!

– Ну, уж нет, – парирую я. – Марта одна тебе недельную выручку делает.

– Что, все так же невыносимо? Мир ужасен, все достойные мужчины женаты, а начальник – самодур?

– Ну, в целом, да...

– Зачем ты с ней общаешься тогда? – задает Лотта вопрос, который я и сама себе задавала уже не раз.

– Не знаю... Привычка и хорошее воспитание. Спасибо тебе!

– Не за что, пошла я ценники поменять, пока Марта не приехала.

Лотта держит в старом городе магазинчик винтажной одежды. Ее клиенты, в основном, дамы преклонного возраста.

та, ностальгирующие по давним временам и экзальтированные студентки, любящие щегольнуть сочетанием выцветших кружевных платьев и кожаных рюкзаков с принтом из черепов и костей. Марта, которая вообще-то одевается в салонах самых дорогих столичных дизайнеров, на общем фоне посетителей смотрится странновато. Но у нее необъяснимая тяга к винтажной одежде, которую она носит исключительно дома или на даче, а я этой слабостью (по давнему сговору с Лоттой) пользуюсь, когда мне нужно быстро и тактично избавиться от общества занудной подруги.

Все время нашего разговора мой спутник вертит в руках маленький кусочек картона, видимо, визитку. И, стоит мне положить трубку, решительно сует мне ее в руки:

– Вижу, вы девушка, которая не любит тратить время впустую, потому перейду сразу к сути. Меня зовут – Иржи Возвех, я – профессор психологических наук и ректор Института эмоций и сейчас ищу студентов для нового набора.

– Институт эмоций? Что-то я не помню в нашем городе подобного заведения! – хмурюсь я.

Профессор расплывается в улыбке:

– Ах, жаль, что вы не видите себя со стороны! Какой смайл недоверчивости и настороженности расцветает сейчас над вашей прелестной головкой! Милочка, если вы чего-то не замечали – это вовсе не значит, что оно не существует! Вы позволите?

Я киваю, и профессор подзывает официанта, чтобы при-

несли счет. После уютного полумрака, царящего в кафе, солнечный свет на улице кажется нестерпимо ярким, и я поспешно достаю из сумки любимые солнцезащитные очки с радужными стеклами. Профессор, который все это время услужливо придерживал меня под локоть, оглядывается и решительно тащит меня к ближайшему магазинчику с деревянной дверью, выкрашенной в традиционно яркий вишневый цвет.

– Как открыть эту дверь? – спрашивает он меня.

– Ну, потянуть на себя.

– Именно, – профессор радостно щелкает пальцами. –

А теперь попробуйте войти, толкая дверь.

– Что за нелепость!

– Ну, же, смелее! Вы же хотите убедиться, что мой институт существует?

Чувствуя себя любопытной идиоткой, я подхожу ближе и толкаю дверь. К моему немалому изумлению, она поддается, и я едва не падаю внутрь. В последний момент профессор успевает меня схватить и придерживать за руку. Но мгновения достаточно, чтобы увидеть фойе, выдержанное в солнечных, кремово-оранжевых тонах и пробковую доску с объявлениями.

– А теперь, – командует профессор, – входите, как положено.

Странно, но я не могу не подчиниться. Тяну дверь на себя и теперь уже вижу крохотный зал с зазывно поблескивающи-

ми этикетками винных бутылок. К нам уже оборачивается улыбочивый продавец, но профессор ловко закрывает дверь.

– Это фокус?

– Нет, милочка, это наглядная демонстрация многослойности нашего бытия. Вспомните, что вы чувствовали, когда не сразу соображали, как открываются двери. Тянули вместо того, чтобы толкать. И наоборот. А если на двери еще висели таблички: «от себя» или «на себя», то вы сразу нервничали, соображали лихорадочно и, конечно же, все путали. Масса эмоций: недоумение, раздражение, злость, облегчение, неловкость! Волшебный ключ, открывающий двери.

– Но тогда все люди, оказавшиеся в подобной ситуации, проваливались бы в ваш институт!

– Нет, потому что они не знают, что так можно туда попасть. Вы правы, на физическом, так сказать, уровне, в вашем городе нашего института нет. Есть только вход в него. Теперь вы знаете, какой именно: подумать и действовать вопреки законам физики. А теперь, – и он стучит ногтем по визитке, которую я еще держу в руках.

«Институт эмоций. Новый набор. Ознакомительная лекция: 17 сентября в 11.00. Вход – в двери магазинов и кафе. Просьба не опаздывать!»

– Значит, все же не любые двери? – спрашиваю я.

– Больницы, вокзалы, даже офисы – это место, где день за днем скапливается слишком много сильных эмоций, – терпеливо объясняет профессор. – Они создают помехи.

А в магазине или кафе люди испытывают порой сильные по накалу, но непродолжительные по времени эмоции. Вот почему именно данные входы считаются оптимальными. Что ж, – резко закругляется он, – не смею задерживать! До встречи, надеюсь!

И, толкая дверь, исчезает. Я растерянно пробую повторить его путь, но на этот раз дверь не поддается. Тогда я тяну ее, вновь попадая в винный зал.

– Милая барышня, не робейте, входите! Уверен, мы подберем для вас отличное вино! Вам для дружеской вечеринки или, может, для романтического ужина? – спешит завлечь меня продавец.

Я поспешно отступаю и, после недолгих раздумий, возвращаюсь в кафе. Мне нужна чашка бодрящего кофе, чтобы успокоиться и здраво осмыслить произошедшее.

Глава 2

Красавчика с ноутбуком уже нет. Я усаживаюсь за его столик, вдыхаю едва уловимый терпкий мускусный запах и на секунду сожалею, что он уже ушел. Легкий, ни к чему не обязывающий флирт – верное средство отвлечься от мистики (или все же розыгрыша?), свидетельницей которой я только что стала. Я нечасто позволяю себе подобные вольности и всегда останавливаюсь, пока дело не зайдет далеко. Так что перед Иваром совесть моя чиста. Но, увы, придется ограничиться кофе. Я бросаю визитку в недра сумки и подзываю официанта.

– Кофе, пожалуйста.

– Вам простой или с настроением?

Ах, да. Быстро пробегаю глазами меню.

– Пожалуй, с умиротворением.

– Осмелюсь заметить, что кофе с умиротворением не слишком сочетаются. Может, чаю?

– Хорошо.

Мы обмениваемся улыбками, хотя обмен неравноценный. Его улыбка – милая и радушная, моя – слегка нервная после происшествия с дверьми. Ну, ничего, компенсирую щедрыми чаевыми.

Как ни странно, но зеленые ромбовидные драже с ароматом Melissa, которые с шипением растворяются в чаш-

ке чая, и впрямь действуют. Сердцебиение возвращается к обычному размеренному темпу, и я уже склонна рассматривать случившееся с позиции не проблем, но возможностей. Да и атмосфера в кафе заметно изменилась к лучшему. После оговорки профессора смайлы я навешивать не рискую, но замечаю и влюбленных, которые разделили наушники и теперь, прижимаясь щека к щеке, раскачиваются под неслышимую мелодию.

Замечаю и старушку в розовой шляпке с волнистыми полями, которая (не шляпка, а старушка, конечно же) то и дело опускает руку под стол, скармливая кусочки булки дымчатой кошке, послушно затихшей в плетеной корзинке.

Замечаю у стойки и двух мужчин в фирменных пиджаках сотрудников ратуши, которые, в ожидании заказа, флиртуют с девчонкой-бариста. Кофе, который она варит, наверняка зарядит их энтузиазмом до самого вечера!

В общем, жизнь возвращается в привычное русло. И кафе я покидаю в настроении, обещанном мне за каких-то дополнительных пять злотых. Недолго думая, сбегая по ступенькам в улицу-реку, мой самый любимый путь домой. Сто лет назад через город текла река, но потом, по неизвестным мне причинам, ее русло вывели за пределы жилых кварталов. А канал остался: с мраморными стенами, ажурными коваными мостами и поворотами, строго соответствующими самому популярному туристическому маршруту.

Вот тогда-то мэр и велел убрать со дна высохшего кана-

ла трубы коммуникаций, уложить поверх золотисто-бежевую плитку, а отчищенные от мшистого налета стены отдать под волю уличных художников. Так в городе появилась улица-река, на уровень ниже остальных. Теперь на ней проводят традиционные сезонные ярмарки, а в остальное время она, освобожденная от уличного транспорта, служит излюбленным местом встреч и прогулок. По распоряжению все того же мэра по всей длине улицы-реки установлены скамейки, фонари, фонтаны и кадки с цветами.

Я знаю, что прогулка по улице-реке обязательно пополнит копилку моих радостных впечатлений, но сейчас предпочитаю всматриваться и вслушиваться в себя, а не в шумную пеструю суету.

Когда, слушая Марту, я подумала о своем жизненном плане, то отнюдь не кривила душой. Семья, любовь, дом, дело, путешествия, друзья – все пункты выполнены. Все, кроме, пожалуй, одного, и профессор, сам того не зная, разбудил сегодня тоску по несбывшемуся. Я успела отучиться семестр, только-только почувствовала вкус студенческой вольницы, как все переменялось.

Заочные курсы, которые пришлось пройти параллельно с курсом резко изменившейся жизни – не то, а я люблю учиться. Думать, анализировать, писать лекции, обсуждать преподавателей, искать и систематизировать информацию. Хихикать с однокурсницами над робеющими парнями. Радоваться пустой паре, когда можно сбежать в сквер на лавоч-

ку, ну или даже в библиотеку, чтобы потратить время с пользой.

– Роза в обмен на улыбку!

Я вздрагиваю, когда в мое слегка затуманенное воспоминаниями пространство вторгается веселый голос. У парня, преградившего мне путь, в руках – целая охапка мелких декоративных роз. Ага, я уже не раз наблюдала картину, как он раздаривает цветы всем встречным особам женского пола. Не навязываясь, не претендуя на знакомство и не требуя платы. С готовностью протягиваю руку и выдаю фирменную улыбку. Цветочнику повезло больше, чем официанту. Он даже теряется на мгновение, явно раздумывая, не притормозить ли ему в своем альтруистическом порыве ради шанса познакомиться.

Но, во избежание взаимной неловкости, я спешу продолжить путь, и цветочник, вздыхая, раскланивается мне вслед:

– Приятного вечера, радужная леди!

Ой, я же совсем забыла! Усаживаюсь на первую свободную лавочку, поспешно достаю из сумки зеркало и, включая на расческе нужный режим, возвращаю оранжево-розовым прядям привычный каштановый цвет. Ивару хватит такта промолчать, но я же знаю, что ему не по душе моя слабость к разноцветным прическам. Зачем лишний раз дергать за ниточки, убегающие к звоночкам раздражения и потенциальных ссор!

Вот, кстати, пока я не дошла до дома, нужно все взвесить,

чтобы подготовиться к разговору с домочадцами. Я возвращаю в сумку расческу с зеркалом, выуживаю визитку и подношу ее к информеру, с готовностью выдающему мне данные. Занятия трижды в неделю по три часа, вечером. Обучение бесплатное. Учебные пособия предоставляются в полном объеме. Сессия в конце декабря. Чудесно! Если немного приструнить дела, норовящие расползаться в разные стороны, я смогу вполне успешно вписать обучение в свой устоявшийся график!

Услужливо попискивая, информер напоминает, что у меня еще есть неиспользованный сертификат на обучение, врученный лично мэром при переезде. Вот здорово! А я и забыла! Так что к дому я приближаюсь с уже созревшим решением, что быть мне студенткой! Будем на пару с Юсси корпеть над учебниками и передразнивать учителей.

– Народ, я дома! – выкрикиваю в уютно-кремовую глубину прихожей.

И сразу замечаю табличку на столике: «Покорми зверушку!». Улыбаясь, бросаю несколько медяков в прорезь. Юсси правильно рассудил, что так его толстощекого керамического хомяка-копилку невозможно не заметить, ведь рядом стоит ваза, где мы храним ключи от дома. Здесь же, на столике оставляем друг другу записки-напоминалки (несмотря на несомненное удобство гаджетов, все в нашей семье – приверженцы старых традиций). В общем, шансов насобирать нужную для покупки заветной игрушки сумму у хомяка го-

раздо больше здесь, чем в спальне хозяина. Юсси – тот еще хитрюга!

Юсси вылетает навстречу, мы обнимаемся, а потом он, лукаво улыбаясь, показывает на хомяка.

– Здорово я придумал?

– Да. Я его уже покормила. Все дома?

– Нет, Ивар еще на работе.

– А родители?

Юсси пожимает плечами, но я и сама уже слышу громкие голоса, раздающиеся из столовой. Иду туда, гадая, что на этот раз стало объектом маминых экспериментов. Папа воинственно размахивает вилкой:

– Да, представь себе, я хочу, чтобы бифштекс пах бифштексом, а не апельсиновой цедрой или горной лавандой!

– Ты преувеличиваешь, – вяло отмахивается мама. – Между прочим, мыльная основа – совершенно безвредна, она по составу примерно, как обычное моющее средство. А я хорошо отмываю кастрюли!

– В столовой должно пахнуть едой! Едой, а не парфюмерной лавкой!

– Хорошо, – легко соглашается мама, – поставь мне в мастерской печку, и я буду тренироваться там.

После мучительно долгой паузы мы с Юсси не выдерживаем и прыскаем со смеху, уж больно комичное лицо у папы, на чью неприкосновенную территорию только что дерзнули покушаться. Он яростно тыкает вилкой бифштекс и бросает:

– Ладно, уж, просто, будь добра, проветривай чаще!

Да, у папы не было шансов выйти победителем из этой схватки! Мама, пряча довольную улыбку, возвращается на кухню, отделенную от столовой резной барной стойкой. Собственно, по прямому назначению стойку никто ни разу не использовал, но не одной маме свойственно украшать дом своими творениями. Когда папа пробует новый узор, в одной из комнат обязательно появиться столик, стул или хотя бы книжная полка. Разница лишь в том, что папины поделки носят сугубо практический характер, в то время как мамины – декоративный.

Мама недавно перешла работать в парфюмерную лавку и не на шутку увлеклась мыловарением. Если пройтись по нашему дому, можно получить четкое представление о периодах маминых хобби. Вот лоскутное одеяло, которым укрыт диван на веранде. Вот многочисленные кадки с лавандой и розмарином (давно засохшими). Акварельные натюрморты на стенах прихожей. Пара вполне симпатичных глиняных чайничков на полке в гостиной. Ни одно увлечение не длится дольше пары-тройки недель, но захватывает маму целиком! Вот и теперь она целыми днями смешивает ингредиенты, изучает рецепты и выбирает формы.

Больше всего ее новому увлечению радуется Юсси. Он стал гораздо охотнее купаться, каждый вечер требуя от мамы новое мыло – в виде машинки, робота или ящера. А еще он покорила сердца всех девчонок в классе, таская им упа-

ковки с розовыми сердечками, зелеными цветами и синими ракушками. Я пытаюсь объяснить, что по этикету средства гигиены можно дарить только самым близким, но он только честно округляет глаза:

– Да, они сами просят!

Я тоже быстро привыкла баловать себя новыми ароматами, и, честно скажу, Ивар сполна оценил мои эксперименты. А вот папа страдает, ему категорически не нравится, что мыловарением мама занимается на кухне, используя для своих экспериментов кухонную утварь. Но, видимо, не настолько страдает, чтобы пустить маму в свою мастерскую.

– Дорогие родители! – торжественно начинаю я (в нашей семье принято сообщать важные новости за ужином). – Я решила пойти учиться!

Вилка вновь замирает у папиного рта. Мама удивленно вскидывает тонкие брови, а в ореховых глазах Юсси загораются искорки любопытства.

Глава 3

– Так, иди, делай уроки! – строго командует мама.

– Но я же должен знать, как вы решите мою судьбу, – парирует Юсси.

– Брысь, умник! – добавляю я, пряча улыбку, и он, накупившись, уходит к себе.

Главный вопрос на повестке дня с учетом моей новости – перераспределение нашего времени. Все работают, я теперь еще и учиться буду, а Юсси у нас, хоть вполне и самостоятельный, но все равно дома его одного надолго не оставишь. В последний раз он, несмотря на строгий запрет, забрался в папину мастерскую. Пальцы после знакомства с пилорезкой, к счастью, остались целы, а вот наши нервы заметно пострадали!

– И сколько будет длиться обучение? А диплом ты получишь? А из архива тебя будут отпускать?

Вопросы следуют один за другим, и я понимаю, что поторопилась с известием. Надо сначала сходить на вводную лекцию, все подробно узнать, а потом уже принимать решение.

– Так, родители, давайтеждемся вторника. Пока мне просто важно знать, как вам вообще эта идея?

Мама меня обнимает:

– Золотце, ну, конечно, мы тебя поддерживаем!

– И впрямь, сколько можно в бумажки зарываться, – бря-

кает папа.

Я прямо затылком чувствую, как мама делает ему страшные глаза. Папа – добряк, но тактичность – не его конек. Ему, как искусному мастеру, из-под рук которого выходит мебель, пользующаяся огромным спросом, сложно понять, что люди могут посвящать себя труду невидимому, нематериальному, так сказать, и не очень (по его мнению) ценному. Хотя, когда я раздобыла ему рабочий дневник Хедвига Тана, знаменитого краснодеревщика прошлого века, папиному восторгу не было предела. Но осознать, что именно благодаря стараниям архивных работников, он теперь копирует давно забытые узоры, папе сложновато.

Я ухожу, понимая, что родителям нужно обсудить мое внезапное решение. Заглядываю к Юсси и какое-то время стою, прислонившись к дверному косяку, глядя на непослушные вихры на макушке. Внутри меня разрастается нежность и умиление. Неужели этот мальчик, склонившийся над учебниками, совсем недавно лежал в кроватке и гулил, пуская пузыри и щедро раздаривая нам очаровательные беззубые улыбки! Как летит время!

Я подхожу, целую его и склоняюсь над столом:

– Какие тайны мироздания постигаете, молодой человек?

– Вот, – тыкает он ручкой. – Роль приборов и инструментов в изучении мира. Три снимка. Ученый смотрел на Луну невооруженным глазом, в бинокль и в телескоп. Какой вывод мы можем сделать?

– И какой же?

Юсси попирает рукой щеку и выдает:

– Что ученый долго-долго смотрел на Луну...

– Нет, милый, вывод в том, что поверхность Луны гораздо лучше видна, когда человек использует приборы для наблюдения.

– А, – тянет он, – тоже верно! Ты мне считаешь перед сном?

– А ты уже все написал?

– Ага, – отвечает он, торопливо сгребая все со стола.

– Дай посмотреть.

Юсси распахивает глаза в притворном изумлении и крепко прижимает к себе тетрадки:

– Ты что, не доверяешь ребенку?!

Я не отстаю:

– Ты честно-честно все сделал?

В «гляделках» я всегда выхожу победителем, и он, вздыхая, сдается:

– Ну, ладно, парочку примеров допишу.

За вечер мы не только успеваем почитать, но и обсудить аттракцион, открывшийся в парке, Марику (новую симпатию Юсси) и мое поступление в институт. Факт, что я тоже буду по вечерам делать уроки, его забавляет. И все же, сколько бы удовольствия не приносила мне привычная вечерняя возня, я невольно поглядываю на часы. Уже почти девять, а Ивар еще не вернулся.

Наконец, хлопает входная дверь, я торопливо расцеловываю уворачивающегося Юсси в щеки, нос и уши, и спешу в прихожую. Но все равно успеваю увидеть только широкую спину Ивара, который уже поднимается наверх.

– Привет! – окликаю я. – А ужинать?

– Привет, – отзывается он, не оборачиваясь. – Нет, устал. Пойду, приму душ и лягу.

Так, не остановился. Не поцеловал. С родителями поздороваться не зашел. Юсси обещанный чертеж не принес. Я замираю, тщетно пытаюсь унять волнение, а потом все же поднимаюсь следом. Ивар уже раздевается, упорно не оборачиваясь ко мне. Я смотрю, как летит на застеленную кровать пиджак, галстук, сорочка. На мгновение отвлекаюсь от тревожных мыслей, замороженная игрой мускулов на его спине, но потом понимаю, что для аккуратиста-Ивара вот так разбрасывать вещи – еще один тревожный звоночек.

Осторожно приближаюсь и обнимаю его сзади. Ивар замирает, накрывает прохладными ладонями мои руки, а потом решительно высвобождается:

– Золотинка, я пойду в душ, устал невероятно.

А смотреть так и не смотрит.

– Да в чем дело? – не выдерживаю я, разворачивая его к себе, и ахаю от неожиданности.

Ивар хмурится и торопливо прикрывает рукой распухшую синеющую скулу.

– Господи, это еще что?

Неужели в нашем благословенном городе завелись грабители? Ивар устало вздыхает, понимая, что теперь от откровенного разговора не отвертеться.

– Это пустяки... Решительное неприятие Донатом факта, что ему вновь отказано.

– И ты еще иронизируешь? Надо в полицию идти.

– Не надо никуда идти, – целует меня Ивар, – лучше сделай своему избитому герою примочку, раз уже все открылось.

Содержательную беседу мы продолжаем уже в ванной.

– А ты хотел, чтобы не открылось? Лег бы сегодня спать, отвернувшись? А я бы тогда лежала и думала, что же резко изменилось в наших идеальных отношениях?

Ивар смеется и притягивает меня к себе:

– Вот, значит, как? Прости, сгупил. Не подумал, что в эту хорошенькую головку придут столь нелепые мысли. Просто не хотел, чтобы ты расстраивалась.

– Вот уж не думала, что работа в комитете градостроительства такая опасная! – ворчу я, осторожно прикладывая к щеке Ивара холодное полотенце. – Вам теперь хоть охрану нанимай!

– Да, ну, брось. Доната уже с почестями проводили из города. Что поделаешь, никак бедняга не смирится, что его шикарным пластиковым окнам не суждено украсить наши неприглядные домишки!

Я фыркаю. Красота города – константа, не подлежащая

сомнению. Во многом как раз благодаря указу бургомистра о том, что все строения в городе должны быть кирпичными или каменными, а окна и двери – деревянными. Никакого бездушного пластика, никаких хай-тек офисов, никакого асфальта (только тщательно уложенная брусчатка да газоны). Никаких рекламных растяжек и билбордов, за которыми не было бы видно ажурных кованых фонарей и лепнины на старинных фасадах. Фабрики вынесены за черту города и оснащены новейшими очищающими фильтрами.

Но заезжие дельцы все не оставляют попыток навязать городу свои стандарты. Донат оказался особенно хватким. Надеюсь, что в последний раз! Ивар кратко пересказывает мне их разговор. Я понимаю, что он сглаживает острые моменты, но все же успокаиваюсь. Да и синяк не такой страшный, как подумалось в начале. Главное, зубы целы!

– Целоваться точно не помешает! – смеется Ивар и тут же подкрепляет свои слова действием.

Чуть позже я решаюсь рассказать ему о встрече с профессором и его предложении. И сразу понимаю, что Ивар не в восторге от услышанного.

– И что ты решила?

– Ну, я бы очень хотела пойти учиться! – осторожно говорю я.

– Эмоции? Объясни мне, ради бога, зачем тебе это? Какое это имеет отношение к твоей текущей работе?

– В принципе, никакого, если не брать во внимание то,

что каждый день я сталкиваюсь с растерянными или сердитыми, или взволнованными, или равнодушными людьми, которые обращаются в архив с запросами или сдают дела. Я ведь не только с бумажками вожусь, знаешь ли. Меня-то чаще всего выставляют на передовую! Кому, как не тебе знать?

Ивар морщится. Наше знакомство началось как раз с того, что он принес мне, тогда еще стажеру архива, дела на передачу. И отчитал, когда я перепутала в описи всего две строчки. И хотя в тот же вечер он искупил свою неприветливость букетом роз и приглашением в кафе, но все же не любит вспоминать, что выставил себя в неприглядном свете.

– А ты не хочешь попробовать другие варианты? Что-то более... серьезное?

– Нет, – решительно говорю я, умалчивая, что самым веским аргументом стал факт, что профессор считал мои невидимые смайлики и другой факт, что на меня произвело магическое впечатление умение открывать двери наоборот.

Ивар – человек практичный. Он-то, в принципе, по работе наверняка сталкивается с пространственной разверткой. Город растет, и не всегда есть возможность совместить реальные размеры зданий с тем, что нужно уместить внутри. Так что и двойные лестницы, и переход-каналы, и залы-перевертыши Ивару не в новинку. Но я-то сегодня впервые увидела подобное! И пока еще удивляюсь, как ребенок.

– Ну, ладно!

– Значит, ты не против? – радуюсь я.

– Нет, я не против. Но, честно скажу, и не за.

– Воздержался? – не удерживаюсь я от шпильки.

Ивар сгребает меня в охапку и подминает под себя.

– Воздержался? – рычит он, покрывая поцелуями мои голые плечи, – ну уж, нет! Воздержание – это не про меня, особенно, когда такое соблазнительное создание под боком!

Я, смеясь, отбиваюсь, но недолго. Ивар умеет убеждать. И вечер сумбурного дня заканчивается как нельзя чудеснее!

Глава 4

Понедельник – нелюбимый пасынок недели. Жалоб на него я давно не слышу, это не в правилах горожан, но по умолчанию все стараются быстрее проскочить день-транзит между расслабленными выходными и активными рабочими буднями. Для меня же нынешний понедельник наполнен радостным возбуждением. С утра я первым делом беру отгул на завтра, когда назначен сбор в институте. Вилма ни о чем меня не спрашивает, а я откровенничать не спешу. Домашних уже запутала! Вот схожу завтра на сбор, а потом уже буду откровенничать.

Моя начальница – человек, который умудряется совмещать доброту и строгость. Заявление-то она мне подписывает, но тут же деловито вручает кипу папок из казначейства, хотя на сегодня у меня запланирована опись частного архива (за хорошие, между прочим, деньги). Ничего, ради такого дела можно осилить и двойной объем работы!

С того момента, как в обиход вошли информеры, сохранение частных архивов стало едва ли не самым востребованным в списке услуг, которые мы предоставляем. Никакой необходимости хранить дома паспорта, свидетельства о рождении, дипломы и прочие бумажные свидетельства-вехи жизненного пути. Но и расстаться с ними окончательно люди не в силах: то ли не доверяют современным технологи-

ям, хотя информеры доказывают свою эффективность второе десятилетие, то ли испытывают ностальгию и оставляют себе лазейку, чтобы вернуться к воспоминаниям.

Но сегодня случай особый, потому что мой клиент – Эрвин Руус, человек весьма почтенного возраста и не менее почтенного статуса: академик исторических наук. Всю свою жизнь он прожил в столице, а теперь перебрался к нам вместе с документами, занявшими восемнадцать внушительных коробок.

– Вы не представляете, деточка, каково это пожилому человеку – перестраиваться под резко изменившийся темп жизни, – вещает он, перебирая трясущимися руками ветхие бумаги. – Нет, я понимаю, все эти компьютеры, информеры, нано-технологии значительно упрощают жизнь. Но уходит что-то важное, живое. Вот, знаете, почему я уехал из столицы?

Я молчу, прекрасно понимая, что вопрос риторический. И старик размеренно продолжает свои откровения:

– Я устал от суеты. В любых обстоятельствах мы должны сохранять невозмутимость, это мое стойкое убеждение! Но современный ритм мне не под силу. А здесь, хвала бургомистру, сохранен уют и очарование минувших дней, который каким-то чудесным образом уживается с достижениями прогресса. Идеальное место, чтобы достойно...

Я настораживаюсь. Разговоры стариков о близком дыхании вечности наводят на меня тоску. Но Эрвин заканчивает

фразу:

– Чтобы предаться воспоминаниям. Я задумал писать мемуары, но беспорядок в бумагах, а, главное, их количество, свертывает меня в растерянность. Я было упросил внука помочь мне, но он – юноша ветреный. Вчера согласился, а сегодня уже отказывается, ссылаясь на учебу. Вот я и решил обратиться к вам. Вы же поможете мне?

– Конечно, – улыбаюсь я, – вот, смотрите.

На изучение договора у нас уходит куда больше времени, чем я рассчитываю, но Эрвин такой обходительный, такой по-милому беспомощный, что мне очень хочется ему помочь. Мы сердечно прощаемся, довольные друг другом, и напоследок старик приглашает меня в гости.

– В любое удобное время! С внуком познакомлю! Документы редкие покажу, думаю, вам, как жительнице города и профессионалу своего дела, будет интересно на них взглянуть! В архив я их передать не решусь, но, поверьте, все очень-очень увлекательно!

– Обязательно приду! – обещаю я.

Мы обмениваемся номерами, и Эрвин уходит, а я погружаюсь в его долгую жизнь, запечатленную в дневниках, грамотах и письмах.

День пролетает незаметно, и домой я иду, примериваясь. Какие же двери выбрать завтра? Вот эти, ярко-синие, с дверной ручкой в форме приветливо раскрытой ладони? Или эти, нежно-кремовые, с изящной деревянной табличкой, прикру-

ченной шурупами с головками-цветами? А, может, эти, темно-зеленые с цветными витражами?

Странно, как быстро человек привыкает к хорошему! Первые дни после переезда я бродила всюду, распахнув глаза от изумления. Мне казалось, будто я попала на страницы любимых сказок, уж больно миленьким, чистеньким и уютным выглядел город. Потом, робея, стала обживать в нем, принимая его знаки внимания, как незаслуженные подарки: улыбки цветочниц; мороженое, которыми в кондитерской угощали маленького Юсси; пухлый справочник-афишу со списком предстоящих концертов и праздников, регулярно появляющийся в почтовом ящике.

А потом, довольно быстро, я поверила в то, что нам повезло. Наконец-то повезло, и мы с городом обрели взаимопонимание. Нет, даже не так: он признал наше семейство, как своих, как тех, кому дозволено обрести счастье в его улочках. С тех пор прошло почти четыре года, и я давно уже перестала благодарить судьбу за новый дом. Но все же время от времени, вот, как сегодня, я открываю для себя город заново. Его уют и очарование, его теплую атмосферу, незримое присутствие кого-то большого, ласкового и доброжелательного.

Наконец, я останавливаю свой выбор на дверях продуктового магазинчика в двух шагах от дома. А вдруг у меня ничего не получится, и двери не откроются? Зачем же ради призрачной попытки ехать куда-то далеко? И если кто заме-

тит мою оплошность в попытках открыть дверь неправильно, спишут на рассеянность, а в магазинчик я хожу часто, никого не удивишь.

Если честно, я с трудом преодолеваю соблазн попробовать попасть в институт уже сегодня. Разведать обстановку. Но что-то мне подсказывает, что явка раньше указанного срока будет расценена не в мою пользу. Вздыхаю и прохожу мимо. Весь вечер отвлекаю себя домашними делами и играми с Юсси. Ивар вновь задерживается, но на этот раз он предупредил, что сегодня будут расследовать инцидент с Донатом, придется писать кучу отчетов и объяснительных.

И вот, наконец, наступает волнительный день. В доме тихо, все уже разбежалось по делам, поэтому я разрешаю себе запретное удовольствие: нагружаю поднос всякими вкусностями и устраиваюсь на диване в гостиной. Вместо экрана визора – распахнутые окна, за которыми творится осеннее волшебство. На выходных родители по просьбе Юсси посадили во дворе каштан. Какой ребенок устоит от соблазна набить карманы лакированными шариками и слепить из пластилина ежиков, используя колючую кожуру в качестве спинок?

Каштан решили брать не скороспелый, а недельный. И вот уже третий день он тянется в высоту прозрачного осеннего неба, выстреливая новыми ветками. Аккуратно, как робеющая дебютантка на балу, разворачивает листья-веера. Нарращивает новые слои коры. А я с детским восторгом на-

блюдаю за природным волшебством, происходящим на моих глазах. Ну, не совсем природным, конечно. Быстрорастущие деревья выводят в питомнике уже много лет после того, как горожане, следуя указу первого бургомистра о строительстве, чуть не извели под корень лес, окружающий город. Теперь потребности в древесине удовлетворяются за счет экспериментов, которые весьма успешно проводят селекционеры-энтузиасты.

Собственно, в наблюдении за ростом каштана ничего запретного нет. «Запретное удовольствие» – это еда в гостиной, потому что мама неодобрительно относится к перекусам вне стен столовой. Даже если сейчас я тщательно замету следы преступления в виде одиноких крошек на цветочной обивке дивана, мама все равно догадается. Не знаю уж, как ей это удастся! Причем дело не в том, что она – великая аккуратистка, просто она любит следовать установленным правилам. В гостиной читают, играют в шахматы и болтают в свое удовольствие. Чай пьют в столовой, ну, или на веранде, если погода позволит. Только так.

Вторая вольность – это количество еды на подносе. Чай в большой кружке, два вида варенья, сливки и сыр, и три кекса вместо одного. Не могу устоять перед маминой выпечкой, правда, подозреваю, что цитрусовый аромат – не следование рецепту, а результат того, что в эти же формочки мама вчера заливала новое мыло. На мгновение мелькает мысль, что мама требует, чтобы мы соблюдали правила, а сама успеш-

но их нарушает (совмещать кухню и мыловарню – не дело, правда же?). Но мама – это мама, с ней не поспоришь, тем более она – мягкий диктатор, с сотней умильных словечек и поцелуев в запасе. Подчиняться ей несложно.

После неспешного завтрака, наполненного эстетическими удовольствиями, я машу заметно подросшему деревцу за окном, уношу поднос на кухню и приступаю к сборам. Сама не понимаю, почему я так волнуюсь. Подумаешь, первый день в незнакомом заведении среди людей, которые наверняка окажутся на пять-семь лет моложе, чем я. Всего делов-то! Я же не за восхищенными взглядами туда иду, а за знаниями.

Так что сборы укладываются всего в полтора часа, а поспешно примеренные и забракованные семнадцать комплектов одежды, разбросанные по комнате, я успею убрать потом, до возвращения Ивара. Останавливаю выбор на узких джинсах, подчеркивающих длину и стройность моих ног, и бежевой водолазке из качественного кашемира, подаренной мне Мартой. Сама бы я такую дорогую вещь купить не осмелилась. Вот так, скромно и стильно! Бусы из золотистого крапчатого авантюрина на шею, кеды с разноцветными шнурками. Очень даже по-студенчески. Про униформу же ничего сказано не было? Несколько мгновений я кручусь перед зеркалом, довольная полученным результатом, а потом...

Не знаю, как это произошло. Может, на расческе случайно переключился режим, когда я переставляла сумку? Но когда я провожу по волосам, они расчерчиваются белыми прядя-

ми. Ой-ой, вот блондинкой мне сегодня точно быть не хочется, иначе стереотипных шуток про глупость не избежать! Я отчаянно трясую расческу, но ее заело, и, несмотря на индикатор каштанового, следующий жест добавляет к белым прядям ярко-зеленые. Теперь я похожа на канарейку, поседевшую от ужаса после столкновения с котом! Так, последняя попытка! Зеленые пряди становятся синими с редкими вкраплениями нежно-розового.

Так, отставить панику! В принципе, и ничего так смотрится. Гармонирует с нарядом, особенно если заменить авантюрин на подвеску с розовым кварцем. Я в камнях не разбираюсь и в их целительные и магические свойства не верю, но со времен прежней маминой деятельности у меня осталась полная шкатулка самых разных украшений, на некоторых из которых еще даже не сняты записки с характеристиками. Время от времени я надеваю что-то новенькое, чтобы сделать маме приятное, да и для завершенности облика бусы не помешают.

Розовый кварц, если верить записке, улучшает настроение и взаимопонимание, нивелирует конфликты. Отлично! Правда, его еще считают камнем иллюзий, а для учебы мне нужна ясная голова. Ну, да ладно.

Ясная голова, усмехаюсь я, рассматривая себя в зеркало. А у меня – разноцветная. И сотрудники в архиве, и подружки давно привыкли к моим экспериментам с волосами. Только вот сейчас не хочется мне появляться на занятиях в подоб-

ном виде. Надо же присмотреться к народу, а не сражать сразу наповал своим неповторимым стилем. Чертова расческа, как не вовремя ее заело!

И тут я спохватываюсь, что время подходит. Хватаю сумку, добегаю до магазинчика. Оглядываюсь. Улица пустынная, значит, никто не помешает. Делаю глубокий вдох, толкаю дверь, которую нужно открывать к себе и шагаю в светлое просторное фойе. Получилось!

Глава 5

У меня даже есть в запасе десять минут, чтобы разобраться, куда идти. Вот только, подозреваю, это время я потрачу на то, чтобы справиться с неуместным волнением и непривычной робостью. Будем надеяться, что обучение здесь и впрямь окажется продуктивным, и я научусь справляться с эмоциями.

На самом деле, все просто. За время работы я привыкла, что приходят ко мне: курьеры, клерки, доверенные лица известных персон, чиновники, историки, преподаватели. А я с ловкостью опытного фокусника выдаю им запрашиваемые документы. Ну, или не выдаю, тут уж как сложатся обстоятельства. Вне работы почетная обязанность узнавать, спрашивать, требовать и просить возложена на Ивара, чем я с благодарностью пользуюсь. Когда, например, мы ездили в столицу, все, что мне было нужно делать – всего лишь держаться за его сильную руку. Но это же нормально, что вопросы с такси, бронью в гостинице и счетом в ресторане решает мужчина, так ведь? В отличие от восточной федерации в наших местах феминистские веяния так и не прижились.

Ну, разве что в гимназии у Юсси мне иногда приходится вжиться в роль взрослого и самостоятельного человека, которому нужно решить важные вопросы. Но это бывает не так часто. Теперь же мне самой нужно куда-то идти и о чем-то

спрашивать. И я слегка теряюсь.

– Ваш пропуск, пожалуйста!

Я оборачиваюсь и понимаю, что проскочила стратегически важный для любого учебного заведения пункт. У старушки, сидящей за лакированной конторкой, в наличии все атрибуты классической консьержки: кофта с кружевным воротничком, туго стянутый на затылке пучок седых волос, клубок со спицами на коленях и рыжий кот, вальяжно растянувшийся на ее плече. Ума не приложу, как можно производить впечатление вальяжности, когда одной своей половиной висишь в воздухе, но коту это удастся.

Единственное, что выбивается из образа – это внушительная стопка журналов по популярной психологии на краю конторки. Причем, судя по растрепанным страницам и многочисленным пестрым закладкам, журналы не продаются и не распространяются в рекламных целях, а служат консьержке постоянным чтивом! Надо же!

Я осторожными шажками приближаюсь к конторке и улыбаюсь, чувствуя, что улыбка выходит до противного заискивающий:

– Добрый день! Вы что-то сказали про пропуск?

– Сказала, – подтверждает она, игнорируя мое приветствие. – Пропуск покажите, будьте так добры!

– Эээ...

Признаться, что у меня его нет? Меня же выпроводят прочь. Попробовать проскользнуть в коридор? Не будет же

она за мной гоняться, в самом-то деле! Или попытаться разжалобить?

– Вы знаете, – осторожно начинаю я, – вообще-то я первый раз и...

– Ясно, – прерывает консьержка, – визитку профессорскую, надеюсь, прихватили?

Я роюсь в сумке и выуживаю слегка измятый кусок картона. Старушка кивает одобрительно:

– Вот сразу бы так! Сейчас налево, вторая дверь тоже слева – там деканат. Подпишите, что скажут. А сбор у вас, новеньких, в пятой аудитории. Это на втором этаже.

– Спасибо вам! – совершенно искренне благодарю я, – Вы мне очень помогли.

– Ну, так, для того я здесь и сижу, – неожиданно добродушно отвечает консьержка. – На будущее, меня пани Магда зовут. Если будут вопросы, я подскажу.

Я еще раз ее благодарю. Кот лениво приоткрывает один глаз, но, видимо, моя персона не производит на него впечатления. Он издает невнятный мявк, и снова погружается в сон.

За все это время мимо нас успевают пробежать с десятков человек, но они на ходу показывают старушке пропуска, и она лишь кивает. Неужели только я оплошала и не успела расспросить профессора о правилах? Я спешу следом, вспоминая, что в компании новую территорию осваивать легче. Так что в деканат мы уже вваливаемся дружной толпой.

– Не все, не все сразу, – звонко кричит девушка в круглых очках, но, увидев, что порядка не дожидаться, быстро берет ситуацию под контроль и сует какому-то парню кипу листов. – Так, быстренько передавайте, передавайте. Внимание! Все быстренько читаем, подписываем, сдаем мне. Поднимаемся в пятую аудиторию!

– А оформляться? – спрашивает кто-то.

– Ах, да. Наберите на информере код 061522. Все сделали? Давайте, ребятки, живо. Профессор не любит, когда опаздывают!

Пищат сигналы информеров. Листы расходятся по рукам. Я по привычке внимательно вчитываюсь в текст. «Никогда ничего не подписывай сразу!» – первая заповедь архивариуса. Так, я обязуюсь хранить в тайне все, что происходит в этих стенах, включая не только содержание лекций, но и случайные разговоры, даже если после вводной беседы передумаю здесь учиться. Надо же, какая секретность. Чему же такому тайному нас здесь собираются учить? Интересно, а то, что я вообще рассказала своим про институт, является нарушением? И как об этом узнают?

Подписываю документ, благо по рабочей же привычке у меня всегда с собой есть ручка. И спешу за остальными на второй этаж. В просторной аудитории уже полно народу. Успеваю заметить, что среди новоиспеченных студентов не все – юные, есть и мои ровесники, и люди явно постарше. Меня этот факт почему-то успокаивает.

Выбираю место у окна, в которое льется теплый осенний свет. Но что за окном, посмотреть не успеваю, потому что в аудиторию стремительным шагом входит профессор, и гул голосов мгновенно стихает.

– Приветствую вас, друзья мои! Для начала позвольте поблагодарить вас за то, что вы здесь! Знаю-знаю, у вас, наверняка, есть вопросы, и я готов на них ответить. Для начала же...

Договорить он не успевает, так как в аудиторию стремительно врывается запыхавшаяся девушка в легком синем плаще и испуганно замирает.

– Ой, простите. Здравствуйте и...

– Прощайте! – подсказывает кто-то из толпы.

Летят смешки, девушка растерянно отступает, но профессор машет ей рукой, проходите, мол. Обрадованная, она обводит аудиторию взглядом и направляется ко мне. Вот мне всегда интересно, по какому принципу люди выбирают себе соседей по парте? Я подвигаюсь, внутренне слегка досадуя, что заполучила в соседки недотепу. Как известно, молодежь с легкостью переносит отношение с человека на его ближайшее окружение.

– Для начала же, – невозмутимо продолжает профессор, – мы запомним, что опоздания в наших стенах не приветствуются. Как и насмешки над коллегами, попавшими в затруднительную ситуацию. Вам, друзья мои, в процессе обучения предстоит освоить и пропустить сквозь себя разнообразней-

шую гамму эмоций. Так что, поберегите свои и чужие душевные ресурсы для более важных целей.

Профессор исполнен радушия, но парень, бросивший реплику, стыдливо опускает голову. Ага, дошло. Девчонка, тем временем, скидывает плащ, устраивается рядом со мной, достает блокнот и ручку. Все это проделывает удивительно изящно и бесшумно, и мое мнение о ней стремительно меняется. Теперь я готова поверить, что ее опоздание – не более, чем досадная случайность, а не присущая ей безответственность в делах.

– Я что-то пропустила? – шепчет она.

– Нет, – тихо отвечаю я.

Надеюсь, скоро я вспомню ученический навык одновременно слушать преподавателя, конспектировать лекцию, наблюдать за прохожими за окном и болтать с соседом. А пока внимательно слушаю профессора.

– Итак, друзья, с сегодняшнего дня вы стали студентами института эмоций. Почему именно эмоций, спросите вы. Не психологии в целом? Общую теорию вы, конечно, получите, но задумайтесь вот над чем. Как много зависит от того, в каком настроении вы утром встали с кровати? Будете ли вы успешно работать, если вас обидел начальник или рассердил клиент? Вы сидите на лекции и волнуетесь, не зная, чем обернется ваше решение прийти сюда учиться. Эмоции, эмоции окружают нас всюду и диктуют нам свои правила. А наша задача их...

– Победить? – спрашивает кто-то.

– Нет, друг мой. Победа предполагает сражение. Но вы же не будете бороться со своей правой рукой или левым ухом? Эмоции – неотъемлемая часть нашей личности. Не победить, но познать и приручить, научиться ими управлять – вот наша задача. И если вы справитесь, то увидите, как изменитесь вы, ваше окружение и ваш мир.

– К лучшему или худшему? – опять раздается все тот же ироничный голос.

Но профессора, похоже, не сбить подобными репликами. Он улыбается и поправляет очки.

– Для того, чтобы изменить себя и мир к худшему, молодой человек, учиться не надо. Достаточно лишь отпустить на волю все, что внутри вас сдерживается правилами этикета или вашими волевыми усилиями. Вы и не заметите, как быстро скатитесь в пропасть!

– А все, что мы узнаем об эмоциях, поможет нам манипулировать другими людьми?

Я не выдерживаю и поворачиваюсь. Кто же там такой любознательный выискался? Парень с задней парты подмигивает мне. Да, тот еще типаж. В глазах бесенята пляшут. Ничего и никого не боится. Любит показать себя и поспорить с преподавателем. Ходячая проблема, в общем, но без таких личностей – учеба не учеба!

Профессор вздергивает кустистые брови:

– Я, конечно, ждал подобного вопроса, но не так скоро.

Вот скажите, вы здесь зачем?

– Я? – насмешливо переспрашивает парень.

– Вы, вы. И, будьте любезны, встаньте!

Парень нарочито лениво поднимается из-за парты. Все головы поворачиваются к нему, но он, похоже, доволен. Прямо-таки купается во внимании.

– Зачем, мне пока непонятно. А вот почему...

– И почему? – живо реагирует профессор.

– Потому что вчера вы остановили меня на улице и вручили свою визитку, настойчиво приглашая прийти.

По аудитории летят смешки. Обычно противостояние преподавателя со студентами происходит позже, занятий через пять-шесть, когда все уже освоились и разобрались, с кем стоит связываться, а кого лучше обойти стороной. То, что профессор – не тот человек, которого можно одолеть в словесном поединке, по-моему, уже очевидно. Но парню, видимо, все равно. Желание продемонстрировать собственную неуязвимость сильнее, чем здравый смысл. Чем не наглядное пособие: эмоции правят миром?

Народ, устраиваясь удобнее, готовится к первой битве. Но в этот момент вновь распахивается дверь.

Глава 6

– Извините, профессор, – в дверном проеме появляется девушка из деканата. – Уже все готово.

В руках у нее целая кипа разноцветных папок, которую она придерживает подбородком, чтоб та не развалилась. Профессор перехватывает у нее документы, перекладывает на свой стол, благодарит, и девушка уходит. Все это время возмутитель спокойствия продолжает стоять, скрестив руки на груди и всем своим видом выражая готовность продолжить дискуссию.

– Простите, могу я узнать ваше имя? – подчеркнуто вежливо обращается к нему профессор.

– Марек.

– Марек, вы позволите мне продолжить ознакомительную беседу и отложить наш диалог?

Тот хмурится. Такая постановка вопроса предполагает лишь согласие. Если он будет настаивать на споре, выставит себя невоспитанным. А вот если уступит, то может счесть маневр профессора за отступление. Марек, похоже, быстро соображает, потому что небрежно пожимает плечами и усаживается на свое место, давая понять, что вопрос отложен.

– Благодарю!

Я успеваю заметить, что профессор прячет в усах улыбку. Ну, нет, для него это не попытка увильнуть, а всего лишь воз-

возможность ненавязчиво дать понять, по чьим правилам идет игра. Профессор легонько хлопает ладонью по папкам:

– Коллеги, внимание! Электронные пропуска, расписание занятий и ссылки на теорию вы получите на информеры, но сейчас мне хотелось бы вручить вам первые важные документы именно в бумажном виде. Дома вы все подробно изучите, заострять внимание на содержимом я не буду, там все изложено. Напомню лишь, что документы конфиденциальны, обращайтесь с ними соответственно.

– Раздать? – спрашивает девушка с первой парты.

– Нет, нет. Давайте сделаем так. Я зачитываю ваши имена по списку, вы выходите получать материалы, так заодно и познакомимся!

Профессор поправляет очки, вытаскивает из середины стопки файл и начинает переключку:

– Ждан Веслав. Лаас Анне.

Веслав – ничем ни примечательный паренек из тех, у кого можно списывать конспекты и занимать деньги. Анне – девушка, вызвавшаяся помочь профессору. Ну, это классическая зубрилка, с готовностью следует правилам и проявляет инициативу, где надо и, особенно, где не надо!

Я, судя по всему, буду в конце списка, поэтому позволяю себе расслабиться и оглядеться. Несколько раз ловлю улыбки и подмигивания парней и заинтересованно-оценивающие взгляды девушек. Подмигивания игнорирую, улыбки возвращаю, а взгляды успешно гашу приветливым или хо-

лодным выражением лица (в зависимости от того, нравятся ли мне их хозяева или нет). Успеваю заметить, что Марек, мечтательно улыбаясь, увлекся перепиской в телефоне, словно ему и дела нет до будущих однокурсников. Ну, да, зачем ему сейчас кого-то запоминать? Все равно займет позицию «я и толпа».

– Лэйс Беата.

Беата – красавица, не идет, а плывет к кафедре, прекрасно отдавая себе отчет, что мужская часть аудитории меньше всего сейчас думает об учебе.

Как водится, среди людей в аудитории можно мгновенно выделить будущих звезд курса и серых мышек, заводил-юмористов и самоуверенных красавиц, и тех, кто до самого выпуска останется лишь представителями массовки, чьих имен никто не запомнит. В большом коллективе действуют свои негласные правила, и очень много зависит от первого впечатления. Кем я хочу быть? Какую нишу я хочу занять? Не в массовке точно, но и в звезды уже не стремлюсь. Впрочем, кто знает, как повлияет на расклад сил наука, которую нам предстоит изучать? Может, мы настолько проникнемся уважением и сочувствием друг к другу, что станем одной дружной компанией, где все равны? Звучит не очень-то убедительно даже для меня самой, но кто знает.

Еще я замечаю, что всем собравшимся – примерно от восемнадцати до тридцати лет. Нет совсем зеленых новичков, но нет и людей солидных. Интересно все же, по какому прин-

ципу профессор пригласил их сюда?

– Раксе Миа.

Моя соседка спешит за своей папкой. Сейчас, когда про опоздание уже забыто, она расслабилась и двигается все также изящно. Это будет умничка, понимаю я. Не зануда, а живая, активная девушка, с которой всем и всегда хочется дружить. И я ловлю себя на том, что мне уже хочется узнать ее поближе. Возвращаясь, она открыто улыбается мне, и я с готовностью улыбаюсь в ответ.

– Руус Аксель.

Руус Аксель, долговязый парень с шапкой огненно-рыжих волос, спотыкается на ровном месте, вызывая легкие смешки. Но его это не смущает. Получив от профессора папку с документами, он возвращается на место, раскланиваясь и посылая воздушные поцелуи, словно кинозвезда, шествующая по красной дорожке. Народ веселится и шушукается. Профессор снисходительно смотрит на Акселя поверх очков, но молчит. Так, похоже, место главного шута занято. Аксель, довольный произведенным эффектом, усаживается за парту и мониторит зал, все ли увидели, каков он?

– Тедер Марек.

Тот ловко убирает телефон в карман, стремительно несется к кафедре, принимает папку и возвращается на свое место. И все это – с непроницаемым выражением лица. Лицо, кстати, сказать – тонко выписанное, как у древних статуй, что в совокупности с образом бунтаря производит неизгла-

димое впечатление на женскую часть аудитории. Две девчонки, сидящие впереди меня, хихикают, толкают друг друга локтями и перешептываются, явно обсуждая Марека. Наивные, у них нет шансов. Такие, как Марек, никогда не завязывают отношения в ближнем кругу. Он, скорее, выберет объектом своего внимания какую-нибудь симпатичную, особо неприступную преподавательницу и будет настойчиво ее изводить каверзными вопросами и ехидными репликами.

– Хавир Юлле.

Я внутренне подбираюсь, готовая встать следом. Какая там Юлле, разберусь потом. Так и есть.

– Халле Аурика.

Осторожно выбираюсь из-за парты и легкой походкой (надеюсь, именно так выглядит со стороны) иду к кафедре. Профессор вручает мне документы и говорит, кивая на мою пеструю голову:

– Сделаем мир ярче?

Я улыбаюсь, надеясь, что мое смущение останется незамеченным. За спиной раздаются легкие смешки, но мне хватает чуткости, чтобы определить их тональность. Надеюсь, как и студентам хватит чуткости, чтобы расслышать, что в вопросе профессора доброжелательность значительно преобладает над ироничностью. На обратном пути я смело смотрю на собравшихся, чтобы они поняли – смутить меня не так-то просто. Уф, такое ощущение, что главный экзамен по распознаванию и управлению эмоциями мы сдаем сейчас, вот

в эту самую минуту, пока профессор зачитывает список.

– Цапек Карл. Шенн Мила. Шроп Густав. Ну, что ж, друзья, вот мы и познакомились.

Хорошо, что я не последняя в списке. Это тоже наблюдение еще из школьных времен: первых в списке почему-то считают более ответственными, чем последних. Не зря же и на последней парте обычно сидят маргиналы и двоечники. Ну, и нарушители спокойствия, как Марек. Анне все нейдет, и она тянет руку:

– А старосту выбирать будем?

– Хороший вопрос. Считайте, что задавая его, вы его и решили! Итак, Анне Лаас – староста вашего курса!

– Я же просто... – девушка вспыхивает, но возражать не решается.

Аудитория облегченно выдыхает. Староста – та еще должность. Профессор ждет, пока все долистают папки, а потом говорит:

– Прошу вас к завтрашним занятиям как следует изучить раздаточные материалы и заполнить тесты. Это ваше первое задание, отнеситесь к нему внимательно!

– А вступительных экзаменов не будет? Мы точно зачислены? – волнуется кто-то.

– Вступительный экзамен вы уже прошли. За стенами института, в своей повседневной жизни, когда привлекли мое внимание. Поверьте, случайных людей здесь нет, как не будет, надеюсь, и тех, кто не оправдает моих ожиданий. Воз-

вращаясь к вашему вопросу, Марек, все вы здесь, потому что у вас интерес к эмоциональному фону значительно выше, чем у большинства окружающих вас людей. Думаю, каждому из вас несложно вспомнить, в какой момент вы привлекли мое внимание и получили приглашение сюда.

Я сразу вспоминаю смайлики, порхающие над головами посетителей кафе. Интересно, как же все-таки профессору удалось понять, что я делаю? Миа фыркает, видимо, ее знакомство с паном Иржи прошло весело. Марек хмурится, и, по-видимому, у него больше нет желания вступать в диалог. Мне почему-то кажется, что внимание профессора он привлек чем-то не очень хорошим. Может, ссорился с кем-то?

– У кого еще есть вопросы?

Магическая фраза, вызывающая цепенящую тишину в аудитории. А, нет, вон кто-то руку тянет.

– А как нам теперь попасть обратно? Тоже двери наоборот открывать?

Все смеются, а профессор улыбается:

– Нет, подобный способ вы держите в уме, лишь когда собираетесь на занятия. Домой уходите, как обычно, открывая дверь, как положено. Кстати, маленький эксперимент. Кто хочет получить заряд положительных эмоций – погладьте Расмуса. Пани Магда останется довольна, а это, поверьте, влияет на общую атмосферу в институте!

Всем становится понятно, что Расмус – это кот. Ну, да, кошки – неиссякаемые генераторы позитива. Студенты, гро-

мышьяком, выбираются из-за парт, прощаются с профессором и покидают аудиторию. Я медлю – не люблю толкаться в дверях. Миа поворачивается ко мне:

– Не хочешь где-нибудь посидеть, кофе выпить? Отметить начало учебы?

– Отмечают напитками покрепче, – подначиваю я.

– Ну, это как пойдет, – с улыбкой отвечает она.

Мы движемся к выходу, продолжая перебрасываться шуточками.

– Девчонки, а мне можно с вами? – рыжеволосый Аксель пристраивается за нашими спинами.

Мы переглядываемся, Миа едва заметно поводит плечами, но отвечать предоставляет мне.

– Ну, пойдём.

Возле консьержки – небольшое столпотворение. Усевшийся на краю конторки Расмус охотно подставляет под руки студентов пушистые уши. Мы смеемся, но аудиенцию к его мурчяйшему величеству решаем отложить до следующего раза. У двери Миа останавливается.

– Ты чего?

– Откуда ты входила? Ну, с какой улицы?

– С Зеленой, а что?

– А я – с Вокзальной. Интересно, а выйдем мы теперь куда?

– А я – из парка аттракционов вошел, в двери комнаты кривых зеркал, – добавляет Аксель.

Миа фыркает:

– Очень символично. Говорили же: офисы или магазины?

– Ну, я подумал, что там столько смеха скапливается, что это обеспечит мне везение в учебе.

– Ладно, – вмешиваюсь я, – мы долго еще стоять будем?

Миа умоляюще смотрит на Акселя. Тот решительно отодвигает ее в сторону, толкает дверь, и мы попадаем на центральную городскую площадь. Оглядываемся, как по команде. За нашими спинами – сувенирный магазин. Ждем еще пару минут, но никто из студентов не появляется. Да, будет что обсудить за чашкой кофе! Аксель тянет нас к столикам у фонтана, а я вдруг понимаю, что в окно аудитории так и не посмотрела.

Глава 7

Фонтан на площади – одна из главных городских достопримечательностей, которая пользуется популярностью не только у туристов, но и у местных жителей. Центр композиции – сложносоставная фигура из нескольких чаш на цепочках, в которые поочередно перетекает вода. Как будто собрали вместе несколько весов, перекрутили, и вот теперь это все звенит, кружится и качается вверх-вниз, только брызги летят во все стороны.

Есть примета, что если в момент, когда все до единой чаши придут в равновесие, загадать желание, то оно обязательно сбудется. Но, сколько я ни пыталась наблюдать за кружением-качением, мне это ни разу не удалось. Подозреваю, что такого вообще быть не может: вода постоянно перетекает из чаши в чашу.

Весы – символ города, который красуется на гербе, документах, сувенирах и даже на подставках для пивных кружек. Пиво заказывает Аксель. Миа морщится неодобрительно, и он поспешно оправдывается:

– Ты не думай, я не любитель выпить. Просто сегодня день такой.

– Какой? – допытывается Миа.

– Волнительный. Если честно, это – четвертый институт, куда я поступаю. Пытаюсь поступить. Везде либо на вступи-

тельных проваливался, либо вылетал с треском после первой сессии. Самое обидное, у меня вся семья – династия ученых, только я не в дугу. Ой, в смысле – паршивая овца.

Миа смеется и легонько похлопывает его по руке:

– Ладно, поверим! Только в следующий раз будем пить кофе!

Аксель, явно воодушевленный обещанием «следующего раза», осторожно сдувает пену и делает первый глоток. Мы же с Мией смакуем кофе, разглядываем туристов и нежмся на солнышке: осень в этом году выдалась теплая. Время от времени кидаем взгляды на двери сувенирного магазина, но, по-прежнему, никто из наших однокурсников не появился. Интересно, кто же решится первым заговорить о главном?

– Знаете, что я думаю? – наконец, выдает Аксель. – Всех на выходе разбросало по городу небольшими группками. Ну, чтобы внимание не привлекать. Представляете, если кто-то сидит здесь на лавочке долгое время, на людей глазеет. И тут из магазина, где от силы человек пять-семь поместится, вывалится целая толпа, причем людей, которые туда явно не заходили.

– Не очень-то мило с их стороны, – морщит нос Миа. – А если бы нас на окраину выбросило? Добирайся потом! Хоть бы уж предупреждали или объяснили, как это все работает. Я думала, выйду обратно туда же, откуда входила. По крайней мере, честно.

– Может, если бы мы выходили по одному, так бы и было, – предполагаю я. – Но мы же шли вместе, еще и болтали о том, что кофе нужно попить. Вот нас двери к кафе и вывели, да еще в самое популярное место.

– Да? – оживает Аксель. – То есть, если в следующий раз я загадаю, что хочу к морю, меня из института прямо на побережье выбросит?

– Много хочешь! – отрезает Миа. – Ты что, пространственную развертку совсем не учил?

– Ну, вообще-то нет, – нимало не смущается Аксель, и я его поддерживаю.

Миа качает головой:

– Ну, вы, ребята, темные! Это же азы. Общая дисциплина, которую на первом курсе проходят!

– Я ж говорю, я не учился еще, – оправдывается Аксель.

Я отмалчиваюсь. Рассказывать о том, что за моей спиной – лишь неоконченный выпускной класс при филиале столичного института да трехмесячные курсы делопроизводства в городе, где про изменения пространства и слыхом не слыхивали, мне как-то не хочется. Миа вздыхает, понимая, что ей придется нас просвещать.

– Межпространственный туннель строго завязан в пределах одного географического объекта. Возможно, в будущем этот вопрос решится, но пока мы можем перемещаться лишь в пределах города. По-видимому, двери института настроены на то, чтобы фильтровать количество человек, выбрасы-

ваемых в одну точку. Ну и, на то, куда их отправлять, тоже.

– А так можно? – уточняю я.

– Конечно! Думаю, информер можно настроить на конкретный адрес, чтобы в следующий раз попасть туда, куда нужно.

– А тебе уже приходилось перемещаться по городу таким способом? – интересуется Аксель. – Для меня это пока в новинку. Нет, ну я слышал, конечно, про программы, но чтоб вот так, запросто, зашел-вышел!

– Нет, на прошлой неделе мне, как и всем нам, похоже, профессор впервые продемонстрировал возможности перехода. Он, правда, упирал на то, что проходимость связана с эмоциональным фоном, но...

– Думаешь, врет? – азартно перебивает Аксель.

– Думаю, он просто все, что нас окружает, стремится рассматривать с точки зрения своей науки. Зачем объяснять нам технические особенности переходов, если можно обернуть это в красивую метафору эмоций?

– Тоже верно. Слушай, а вдруг все дело в ... – Аксель делает эффектную паузу и, дождавшись, пока мы с Мией изобразим достаточно заинтересованные лица, заканчивает, – коте!

– В чем? – смеемся мы.

– В коте. Все ведь гладили кота, а мы нет. А вдруг этот кот – как иконка, запрограммированная на нужную волну? Погладил – возвращаешься туда, откуда пришел. Нет – в наказание выбрасывает в случайном месте.

Миа обводит рукой площадь:

– Не очень-то это похоже на наказание. Но в следующий раз надо попробовать.

– Если честно, я так и не понял, к чему был сегодняш- ний сбор. Профессор же толком ничего не сказал. Подума- ешь, материалы раздал и перекличку сделал. А в чем суть учебы-то? Непонятно!

– Ничего, не «подумаешь»! Знакомство – это очень важ- но! – строго говорит Миа. – Я вот когда в свой первый ин- ститут пришла, нам вообще никто ничего не объяснял: са- ми аудиторию искали, сами выясняли, где учебники брать. И на первой же лекции преподаватель пришел и как начал нас теорией грузить, я даже слегка испугалась, туда ли я по- ступила.

– А куда ты поступила? – уточняет Аксель.

– Я учусь на ландшафтного дизайнера. Второй курс уже. Видели зеленые беседки по городу? Это мой проект, ну, ча- стично, – в голосе Мии звучат горделивые нотки.

– А зачем тогда тебе институт эмоций?

– А тебе зачем?

– Ну, я... эээ, – Аксель отчаянно краснеет, что в сочета- нии с рыжим цветом волос и веснушками выглядит комично

– Да, ладно, – смягчается Миа, – расслабься! И так понят- но, что профессор нас всех на чем-то своем подловил.

– Верно, – вздыхает Аксель. – Интересно, а подписка о неразглашении с чем связана?

– Да с этим и связана, – уверенно отвечает Миа, – если ты станешь рассказывать всем, где учишься, они сразу насторожатся и будут с тобой общаться, держа в голове, что ты их сканируешь или эксперименты над ними ставишь.

– Но это же не так!

– Но они-то об этом не знают. Люди вообще с предубеждением относятся к психологии, хоть и журналы читают. Эта сфера еще такая... непонятная.

Аксель с Мией перебрасываются фразами, как мячиками. Я, в основном, молчу, наблюдая с умилением, как между этими двумя разгорается взаимный интерес. Третьей лишней, впрочем, себя не чувствую, наоборот, атмосфера за нашим столиком царит самая что ни есть дружелюбная. Общие впечатления и переживания уже прочно связывают нас. Я не совсем согласна с Мией и считаю, что от внутреннего настроения все же зависит, куда откроется дверь, но спорить не собираюсь. Наоборот, решаю вечером попросить у Ивара что-нибудь почитать по пресловутым азам пространственной развертки. Юсси и то больше меня знает, не зря же постоянно выпрашивает у Ивара модели для сборки.

Кстати, о Юсси! Извинившись, я достаю телефон и набираю номер:

– Мам, привет, я уже освободилась. Могу Юсси из гимназии забрать.

– Нет, солнышко, их сегодня на экскурсию повезли, он с папой домой вернется.

Я чувствую легкий укол совести. Поглощенная мыслями о своей учебе, я пропустила новость о поездке Юсси. Ну, ничего, вечером расспрошу подробно. Мама внимательнее к близким, чем я, потому что тут же спрашивает:

– Как все прошло?

– Интересно. Вот сидим сейчас, с однокурсниками впечатлениями делимся.

– Уже познакомилась с кем-то? Золотце, это чудесно, я так за тебя рада! Вечером подробнее расскажешь!

– Хорошо, – обещаю я и, отключаясь, не могу сдержать улыбку.

Какие же они у меня все чудесные! И родители, и Юсси, и Ивар! Стоит мне подумать об Иваре, как именно его я и вижу на другом конце площади. Странно, что он здесь делает в разгар рабочего дня? Это я сегодня с чистой совестью пользуюсь законным отгулом, а у Ивара из-за инцидента с Донатом сейчас дел выше крыши. Он за отчетом должен сидеть, а не по городу гулять. Да еще и не один, а в компании эффектной блондинки в стильном деловом костюме.

Внезапно я чувствую легкий укол в сердце. У меня нет оснований ни в чем подозревать Ивара. Они со спутницей не целуются и не держатся за руки. У девушки вообще в руках – какой-то прибор, что говорит о том, что это – скорее всего, деловая встреча. Они просто неспешно переходят от здания к зданию, и Ивар, взмахивая руками, что-то ей вещает, а она одобрительно кивает головой, так что в светлых

волосах, уложенных в аккуратную прическу, вспыхивают игривые солнечные искорки.

Просто... поставь меня сейчас рядом, в моем студенческом прикиде, да еще и с пестрой головой, и станет очевидно, что эта блондинка куда больше годится в пару Ивару, чем я. Рядом с Иваром я всегда себя чувствую человеком второго сорта – и по умению держать себя, и по манере одеваться, и... не знаю. Неприятное открытие, которое только сейчас оформилось в моей голове, заставляет меня молить о том, что до нашего края площади они не дойдут, и Ивар меня не увидит!

Поглощенная тревожными мыслями, я не сразу понимаю, что Миа уже не раз меня окликает. Оказывается, они с Акселем договорились пойти покататься на туристическом трамвайчике по маршруту, проходящему через самые красивые места в городе. И зовут меня с собой. Приглашают совершенно искренне, но я понимаю, что вот там я точно окажусь лишней. Зачем портить людям романтическую прогулку?

– Нет, спасибо, – отказываюсь я. – У меня еще дела в городе.

– Ну, тогда до завтра?

– Да, пока.

Аксель расплывается за всех, отметая наши возражения, и мы уходим из кафе. Столик тут же, не дожидаясь, пока официант унесет пустые кружки, занимают туристы. К счастью, нам идти в сторону, противоположную той, где все еще

стоят Ивар с блондинкой. Я провожаю ребят до остановки и осторожно оглядываюсь. В тот самый момент, когда девушка протягивает Ивару прибор, который держит в руках, и они принимаются разглядывать что-то на экране так, что головы их почти соприкасаются.

Сама не знаю, что на меня нашло. За все время, что мы вместе, Ивар ни разу не дал мне усомниться в своей верности, хотя он – мужчина видный, и девушки все время обращают на него внимание. Впрочем, как и парни на меня, поэтому наши прогулки никогда не омрачались ревностью, разве что – легкими взаимными подтруниваниями. Но сейчас мне почему-то очень неприятно видеть их вместе. К глазам подступают злые слезы, а горло перехватывает. Нужно срочно отвлечься!

Я сказала ребятам, что у меня дела в городе, но сейчас не могу сосредоточиться и вспомнить, что же я, собственно, собиралась делать! Поэтому бреду наугад и, сама толком не понимая, зачем, толкаю дверь первой попавшейся лавочки, кажется, швейной. Толкаю вместо того, чтобы тянуть, но понимаю свою ошибку лишь тогда, когда вместо уютного зала, завешенного тканями, попадаю в пустой и тихий коридор института эмоций.

Глава 8

Чувствовать себя узником в странном месте – не очень-то приятно, и, чем дольше я брожу по пустым коридорам, тем сильнее меня охватывает беспокойство. Сначала я честно пробую спуститься к пани Магде, объяснить свой промах и убраться восвояси. Но лестница, ведущая вниз, приводит меня в очередной пустой коридор. И еще, и еще. Не знаю, сколько я хожу по кругу, но ни единой души не встретила.

Отчаявшись, я пробую открывать все двери подряд. Раз по-тихому исчезнуть не получается, придется обратиться за помощью. Не очень-то хочется получить выговор за своеволие, но все лучше, чем застрять здесь надолго. Но ни одна из дверей не поддается: хоть на себя, хоть от себя – бесполезно.

Я дергаю очередную дверь и с разбега влетаю в знакомую аудиторию, хотя точно помню, что на двери была не цифра пять, а табличка с названием какой-то кафедры. Ну, ладно, уже прогресс. Сейчас я посижу, успокоюсь и обязательно найду выход, в прямом и переносном смысле слова.

Но вместо того, чтобы сесть за парту, подхожу к окну. Раз уж так вышло, воспользуюсь случаем и посмотрю, куда выходят окна института. Может, тогда тема пространственной развертки, которую мы так бурно обсуждали с Акселем и Мией, прояснится?

Но вид из окна запутывает меня еще больше. Там мерно и плавно течет река, заключенная в ажурную кованую решетку набережной. На другом берегу виднеются аккуратные домики с разноцветными крышами, а на этом – разбиты красивые клумбы, на которых, несмотря на осень, пышно цветут пионы, розовые, белые, малиновые. Ни прохожих, ни транспорта я не вижу, и вообще, улица, несмотря на ухоженность, производит впечатление, что здесь никто давно не появляется.

Значит, Миа ошиблась насчет допустимых границ, и отсюда можно попасть в другой город, ведь наша река течет далеко за его пределами, и там нет набережной, лишь заросшие осокой берега, владения диких уток и цапель.

– Заблудились? – раздается за спиной мягкий голос.

Я испуганно оборачиваюсь, и человек, стоящий в дверях, вскидывает руки в успокаивающем жесте:

– Не бойтесь, все в порядке!

В порядке? Ну, да, если забыть о том, что я почти час блуждаю по коридорам и не могу выбраться. Человек приближается, и я вижу, что это молодой парень, примерно мой ровесник. Его лицо кажется мне смутно знакомым, но так всегда бывает, когда ты расположен к человеку. А я к нему ох, как расположена, ведь теперь, наконец, мне помогут отсюда выбраться!

У моего спасителя – растрепанные светлые волосы, обаятельная улыбка и небольшая дисгармония в одежде: узел гал-

стука ослаблен, рукава безупречно белой рубашки расстегнуты и подкатаны до локтя.

– Рабочий день закончен, – улыбается он, перехватив мой взгляд, – можно позволить себе небольшую вольность.

– Вы здесь работаете?

– Да, а вы, как я понимаю, с первого курса?

– Да. Дело в том, что... Я нечаянно... А теперь не знаю, как выбраться. Меня накажут? – заканчиваю я совсем уж жалобно.

– Как вас зовут?

– Аурика.

– А меня Стефан.

– Очень приятно, – я говорю так не из вежливости.

Мне действительно приятно, потому что от Стефана идет какое-то мягкое, успокаивающее тепло. Рядом с таким человеком чувствуешь себя в абсолютной безопасности и понимаешь, что с тобой не случится ничего плохого. На меня вдруг накатывает усталость. Даже приходится на секунду прикрыть глаза и прислониться к стене. Так бывает, когда после сильного нервного напряжения ситуация решается, только вместо облегчения приходит опустошение.

– Какое красивое имя! – восхищается он, – Хотя в вашем случае Ирис подошло бы больше*.

– Сегодня все шутят насчет цвета моих волос, – вздыхаю я. – Пан Иржи вот, тоже заметил.

Стефан улыбается:

– Простите, не хотел вас обидеть.

– Да, нет, все в порядке. Это случайно вышло. Знаете, как специально: готовишься к важной встрече, и обязательно что-то пойдет не так.

– Зато профессор вас наверняка запомнил.

– Сомнительное утешение. Я – из тех студенток, кто желает, чтобы запомнили ее старательность и знания, но, увы...

– Ничего, у вас еще будет возможность проявить себя.

Мы разговариваем тихо, я расслабляюсь и в какой-то момент окончательно забываю о своих переживаниях. Но, как бы мне ни нравилось общаться со Стефаном, нужно возвращаться в реальность. А он, похоже, не спешит меня выпроваживать. Стефан стоит так близко, что я чувствую легкий, приятный аромат его парфюма. Также близко, как Ивар стоял с блондинкой. Давешняя картинка всплывает перед глазами, я вспоминаю, что привело меня сюда, и отшатываюсь, вновь переполняемая эмоциями.

– Вы поможете мне?

Стефан отступает, пропуская меня к двери:

– Конечно. Насчет наказания не волнуйтесь, я никому не скажу. И потом, вы же ничего противозаконного не сделали? Стены не разрисовывали? Стулья не ломали?

– Нет, – несмотря на внутренний раздрай, я не могу удержаться от смеха, – не успела.

– Вот и славно, пойдете!

Стефана лестницы слушаются лучше, чем меня, и через

пару минут мы уже оказываемся в знакомом мне фойе. Пани Магды нет, а вот Расмус растянулся на конторке, обвив пушистый хвост вокруг стопки журналов. Вот уж кому неизвестны переживания! Вспоминаю, что говорил Аксель и осторожно чешу кота за ухом. Он включает мурчалку, но глаз не открывает. Стефан тоже гладит кота, и на мгновение наши пальцы соприкасаются, но он словно не замечает. Спрашивает спокойно:

– Куда вам нужно попасть?

Значит, выбирать направление все-таки можно? Я задумываюсь. Дома сейчас никого не будет, а сидеть одной в ожидании Ивара, изнывая от ревности, мне как-то совсем не хочется. И потом, я же намечала себе какое-то дело на сегодня, разве нет? Я ловлю свое отражение в зеркале, занимающем противоположную стену, и вспоминаю.

– Если можно, мне в деловой квартал.

Стефан спокойно открывает двери, и я вижу, как сияет на солнце янтарная вывеска патентного бюро.

– Спасибо! – благодарю я.

– До встречи, Аурика, – отвечает он, – не теряйтесь больше.

Я киваю, выхожу в город и, конечно же, обернувшись, обнаруживаю за спиной двери коллегии адвокатов. Интересно, что Стефан имел в виду, говоря «не теряйтесь»? Теряться – означает заблудиться или пропасть, но еще и становится слабее, лишаться уверенности. Неужели он разгадал мое душев-

ное состояние? Впрочем, чего еще ждать от сотрудника института эмоций. Интересно, кем он там работает?

Я стою, стараясь собраться с мыслями, и получаю сильный удар в спину. Господи, как же больно!

– Простите, ради бога! – бросается ко мне мужчина, покинувший коллегию, – Я вас не сильно ушиб?

– Нет, все в порядке, – отвечаю я, стараясь не морщиться от боли. – Это я виновата. Стала прямо перед дверью.

Мужчина раскланивается и убегает. А я делаю два важных вывода. Первый – покидая институт, нужно сразу отходить от двери, чтобы не стать случайной жертвой сзади идущего. Второе – иногда физическая боль помогает отвлечься от боли душевной. Тем более, ничего не случилось, если включить здравый смысл. Мало ли кто и с кем ходит по улицам? Сейчас я сама не понимаю, что на меня нашло. И подозрения кажутся смешными и глупыми. Или это беседа со Стефаном на меня так успокаивающе подействовала?

Тем не менее, от задуманного дела отступить я не собираюсь. Поправляю сумку на плече и решительно двигаюсь к бюро.

*Значение имени: Аурика – золотая, Ирис – радуга.

Документ №23 от 17.09

Тема: Непрошенные гости.

1. Веслав Ждан

Время визита: 13.42. Длительность визита: 5 минут

Контактер: Магда Новак.

Эмоция-ключ: рассеянность. Эмоция-подкрепление: добродушие.

Дополнительно: попал в фойе, желания пройти дальше не проявил, за помощью обратился сразу, двери обратно открыл контактер. Эмоциональный фон стабилен.

Характеристики: обладает способностью смягчать конфликтные ситуации за счет выставления фонового барьера (использует собственные ресурсы). Ближний круг воздействия: 12 человек. Дальний круг воздействия: 67 человек.

2. Аурика Халле.

Время визита: 14.30. Длительность визита: 48 минут

Контактер: Стефан Левандовский

Эмоция-ключ: отчаяние. Эмоция-подкрепление: предположительно – ревность.

Дополнительно: попала на 4 уровень, обошла 6 кругов самостоятельно, смогла открыть а. №5 через двери кафедры противовеса. За помощью обратилась сразу (вторичная реакция – страх наказания). Двери обратно открыла совместно с контактером за счет волновой настройки. Эмоци-

ональный фон скачкообразный, быстро регулируемый.

Характеристики: обладает способностью считывать и формировать эмоциональные стикеры, обладающие легкой степенью моделирования реальности. Ближний круг воздействия: 14 человек (из них – один дестабилизатор). Дальний круг воздействия: 126 человек.

3. Марек Тедер

Время визита: 18.10. Длительность визита: 19 минут

Контактер: нет

Эмоция-ключ: раздражение. Эмоция-подкрепление: гнев

Дополнительно: попал на 2 уровень, обошел 3 круга, смог открыть двери обратно через черный ход (!). Эмоциональный фон скачкообразный, быстро регулируемый.

Характеристики: является дестабилизатором. Ближний круг воздействия: 6 человек. Дальний круг воздействия: 45 человек.

Вывод:

№1. – потенциальный стабилизатор внутреннего вектора

№2 – потенциальный стабилизатор внешнего вектора

№3 – действующий дестабилизатор внутреннего вектора, но с высокой способностью к пространственной развертке (взять на контроль).

Приписка от руки: всего трое? Маловато для нового курса, как вам кажется?

Глава 9

– Какие люди! – охранник выбирается из-за своего поста и расцеловывает меня в обе щеки. – Нечасто ты, красавица, балуешь вниманием бывших коллег, а?

– Ну, как видишь, исправляюсь! Добрый день, Юзеф. Марта на месте?

– Да, но у нее сейчас посетители. Пройди, подожди в приемной. Освежи воспоминания.

В приемной бюро ничего особо не изменилось: мягкие диваны, светлые панели, многочисленные сертификаты в рамках под стеклом. В большой вазе – россыпь конфет, а над столом секретаря – картина-абстракция, где у человека, состоящего из синих треугольников и зеленых кругов, пририсованы черным маркером усы. Надо же!

Девушку-секретаря я не знаю, поэтому наше общение сводится к формальным улыбкам и предложению чая-кофе, от которого я вежливо отказываюсь. Жду недолго, уже через несколько минут из кабинета, провожая клиента, выходит Марта. На работе она совершенно преобразается: вместо вечно ноющей и недовольной всем девицы передо мной — энергичная и собранная женщина.

– Ау? – удивляется она. – Что ты здесь делаешь? Почему не позвонила? Ты просто так или по делу?

– По делу, – честно признаюсь я.

– Ну, пойдём.

– Скажи, а почему картину до сих пор не сняли?

Она оглядывается и фыркает насмешливо:

– Казимеж сказал, что так в ней появился хоть какой-то смысл. Да и посетители расслабляются, настраиваясь на разговор. А то, знаешь, технари – они такие чудики, столько уникальных вещей придумывают, а как рассказать об этом – волнуются, двух слов связать не могут. Боятся, что мы зарубим их идею на корню. А так на картину посмотрят и решают, что у здесь сидящих есть чувство юмора, значит, с ними можно иметь дело.

Казимеж – начальник Марты, с которым она вечно спорит, отстаивая интересы изобретателей. Технари – это, собственно, сами изобретатели, которые обращаются в бюро с предложениями о том, как можно улучшить жизнь города в целом и ее жителей, в частности. Например, злополучная расческа, которой я обязана нестандартной цветовой гаммой своих волос, – это одна из последних разработок. Пробный экземпляр, щедро предложенный мне Мартой. Она частенько включает меня в тест-группу, когда изобретение является действительно полезным или забавным.

Что касается картины, то подрисованные усы – дело рук маленького Юсси, которого я как-то опрометчиво оставила одного в приемной буквально на пару секунд. Несмотря на кипу разноцветной бумаги, разложенной на столе, он счел, что холст на стене – куда более интересный объект при-

ложения его художественных способностей. И надо же было подкатить к стене стул, забраться на него и дотянуться до картины!

Происшествие случилось на вторую неделю моей стажировки. Первая моя работа не только в новом городе, но и вообще в жизни. И тут такое! Я была уверена, что меня в тот же день уволят, да еще заставят платить за порчу имущества. Но все обошлось. Казимеж долго рассматривал творение юного мастера, потом погладил самого мастера (осипшего от слез, потому что я его успела отругать) по голове, сунул ему конфетку из вазочки и ушел обратно в кабинет. А меня успокоила Марта, и с тех пор Юсси оставался не в приемной, а на посту охраны, что устраивало всех. Охранники учили его складывать из бумаги самолетика и кораблики, а он веселил их своими неуклюжими попытками выговорить слова вроде «запатентованный». Еще через неделю Юсси устроили, наконец, в детский сад, и я смогла работать спокойно.

– Ностальгируешь? – улыбается Марта, наблюдая, как я рассматриваю обстановку ее кабинета.

– Немного. Знаешь, я тебе так благодарна!

– Да, брось! – отмахивается она. – Обычное дело.

Бесполезно объяснять ей, что снисходительно относиться к новичкам на работе, терпеливо вводить их в курс дела, не обращать внимания на промахи и даже подсказывать, с какой стороны засовывать бумагу в шредер – далеко не обычное дело там, где наша семья жила до переезда. К то-

му, что в новом городе люди вежливы, услужливы и готовы прийти на помощь, вне зависимости от статуса и ранга, нам с родителями пришлось привыкать долго.

Вот поэтому, несмотря на привычку Марты сетовать на жизнь, я не могу прекратить с ней общаться: чувство признательности и благодарности перевешивает нежелание выслушивать ее жалобы. Она очень помогла мне тогда, четыре года назад, когда я еще была затравленным, огрызающимся диким зверьком, в любой момент готовым к тому, что в него полетят насмешки или упреки.

– Я смотрю, ты пользуешься расческой? Смело!

– Да, собственно, я потому и пришла. Вот, – достаю расческу из сумки, – заело. Индикатор стоит на каштановом цвете, а получается, сама видишь что! Что-то там недоработал ваш мастер!

С предложением уникального прибора в бюро обратились месяц назад. Марта сразу оценила перспективу изобретения. Чудо-расческа сэкономила не только время клиентам (кроме цвета волос она включала регулятор объема-гладкости-кудрявости), но и ресурсы. Никаких больше стайлеров, муссов, красок для волос и прочей химической гадости, которыми забиты полки магазинов. Городские власти только бы обрадовались, если бы нашлась возможность убрать подобные товары за ненадобностью. Но пока прибор проходит тестирование и, видимо, не очень успешно.

– Как давно ты ее заряжала? – спрашивает Марта, дело-

вито щелкая кнопкой индикатора.

– А ее нужно заряжать? – искренне удивляюсь я.

– Ну, как всегда! Если ничего не помогает – прочтите инструкцию! Конечно, надо. Раз в три-четыре дня на солнце выдерживать не менее двух часов. А ты ее, стало быть, в сумке таскаешь все время?

Солнечны батарейки в мелких бытовых приборах – еще одно, уже давно внедренное изобретение. Именно благодаря ему в городе практически исчезли провода, и даже мобильные телефоны, поступающие в салоны связи, обязательно заново проходят сборку, где обычный аккумулятор им меняют на солнечный.

– Да.

– Ну, так, Ау, это не с тестовым образцом проблемы, а с твоей ответственностью участника тест-группы! Зарядишь, и все заработает. Мы уже собрали пакет документов на рассмотрение запуска в производство. Не сбивай мне статистику!

Я дергаю за пеструю прядку:

– А с этим-то мне что делать? Не хочу в таком виде домой возвращаться!

– Почему? – настает очередь Марты удивляться.

Я прикусываю губу. Никогда не говорила ей, что радужными прическами я веселю только коллег и подруг, но не домашних. Родители-то, может, и нормальноотреагируют, но показываться в таком виде Ивару я не хочу.

Марта, не дождавшись ответа, роется в своем столе и достает вторую такую же расческу.

– На, не очень-то гигиенично, но разок я потерплю.

Я торопливо щелкаю индикатором и, подойдя к зеркалу, расчесываюсь. Разноцветные пряди, как по волшебству, исчезают, наливаясь золотисто-каштановым цветом. Так, с экспериментами в ближайшее время, пожалуй, покончено!

– Спасибо тебе огромное!

– Да, не за что. Ты, пожалуйста, не забудь к следующей среде отзыв заполнить. А пока... – она аккуратно прикрывает дверь кабинета. – Ты не сильно спешишь?

Я вспоминаю Ивара с блондинкой и, хотя в моей сумке ждет папка с заданиями из института, понимаю, что сегодня готова максимально протянуть время до возвращения домой. Чтобы на общение с Иваром осталось как можно меньше времени.

– Нет, не спешу.

– Смотри, – Марта протягивает мне телефон. – Я тогда, после того, как к Лотте съездила, вернулась на работу и в дверях столкнулась с каким-то мужчиной. Сумка в сторону, бумаги разлетелись. Ну, он, конечно, простите-извините, слово за слово. Познакомились. И, знаешь, кажется, мне, наконец, повезло! Фантастический мужчина: красив, умен, обаятелен, вежлив. Безупречные манеры!

– Слушай, ну здорово! А кто он? – спрашиваю я, разглядывая фото на экране.

Если честно, мужчина мне не нравится. Да, он довольно привлекателен, но взгляд какой-то холодный. Впрочем, может, просто кадр такой получился.

– Бизнесмен из столицы. Ему, правда, в тот же вечер пришлось уехать, какие-то дела там срочные возникли, но мы каждый день созваниваемся, и переписываемся. И, представляешь, на выходные он пригласил меня в гости! Мол, столицу покажу, и все такое! Причем я ни разу сама не позвонила, сдерживалась изо всех сил! Он сам! Я немного боялась, что на проходимца нарвусь, ну, знаешь, корыстного. Но вчера мне букет доставили из цветочной лавки. Он позвонил и оплатил, представляешь! И в столице уже номер в гостинице заказал, прислал подтверждение!

– А почему он сам не приедет, а тебя зовет? – я стараюсь сдерживать глухое недоверие, чтобы не обидеть Марту, но она в такой эйфории, что не замечает моей реакции.

– Ну, не может, наверное. А, может, просто хочет мне столицу показать. У нас-то что смотреть? Весь город за час объехать можно!

– Слушай, ну здорово! Я тебя поздравляю! – надеюсь, на занятиях в институте меня научат не только контролировать эмоции, но и успешно их имитировать, когда того потребуют обстоятельства.

Меньше всего мне хочется сейчас обидеть Марту и испортить ей настроение. Да и потом, объективно все идеально. К чему я цепляюсь? Может, просто мне неприятно, что у ко-

го-то все хорошо, в то время как я переполнена подозрениями и ревностью? Ну, или растерянностью от того, что подалась этим чувствам.

– Ох, неужели мне, наконец-то, повезет? – вздыхает Марта мечтательно.

Потом хмурится, и я понимаю, что сейчас ее годами выработанная тревожность проснется и вылезет наружу. Поэтому порывисто обнимаю подругу и расцеловываю ее в обе щеки:

– Повезет, конечно, повезет! И, прежде всего, это твоему избраннику повезет с такой чудесной девушкой! Когда едешь?

– Он меня ждет в субботу, но я поеду в пятницу, чтобы выспаться после дороги, в порядок себя привести. Кстати, я у Лотты шикарное платье купила. В столице сейчас винтаж в моде, вот и покажусь во всей красе!

Моя совесть теперь чиста. Если отправить подругу к Лотте было надуманным предлогом, чтобы продолжить беседу с профессором, то все сложилось как нельзя лучше. Мы еще болтаем с Мартой о делах бюро. Она показывает мне несколько интересных проектов, но потом все равно приходится прощаться.

В приемной я сталкиваюсь с Казимежем. Если честно, я так и не смогла в свое время справиться с робостью перед первым начальником, но сейчас даже рада, что есть еще повод задержаться. Казимеж расспрашивает меня о делах, о семье.

– Юсси, надеюсь, перерос привычку разрисовывать картины?

– Он уже свои создает, – отшучиваюсь я. – На выставке рисунков среди младших классов второе место занял!

– Молодец! Весь в мамочку! Вот, – Казимеж, легонько приобняв за плечи, подводит меня к секретарю, – эта милая девушка, между прочим, была моей самой лучшей секретаршей! Ни одного испорченного документа, ни одной пропущенной встречи! И это, милочка, несмотря на то, что у нее маленький сын-непоседа, который ее вечно отвлекал и требовал внимания. А ты, Эдна, мне перевод полдня оформить не можешь!

М-да, тактичность – это не про Казимежа. Расточать комплименты одной девушке, чтобы поругать другую – сомнительная мотивация для сотрудников. Эдна щурит на меня глаза, а Казимеж не унимается:

– Да если бы меня не вынудили, я бы ее ни за что не отпустил. Но куда уж мне! По личной просьбе начальника архива!

На самом деле, за меня просила только Вилма, на которую произвел впечатление тот факт, что я сдала всю текущую документацию бюро не просто в срок, но и в полном соответствии с требованиями. Никто же не знает, что я так боялась ошибиться, что трижды перепроверяла дела! Так что в бюро я успела проработать всего полгода, когда меня переманили в городской архив.

Если честно, меня и здесь все устраивало, но Вилма слезно объяснила, что у нее сразу три сотрудницы ушли в декрет, а въедливых делопроизводителей отыскать не так просто. Сыграло роль и то, что архив был гораздо ближе к детсаду Юсси и к дому, а платили там почти в два раза больше. Последней каплей, склонившей часу весов, стали слова Марты.

– Не вздумай отказываться! – пригрозила она мне. – Здесь ты кто? Подай-принеси, без перспектив. А архив – учреждение серьезное, да и Вилма – не чета Казимежу, с ней тебе комфортнее будет работать.

– А ты?

– А что я? Ты для меня как подруга куда важнее, чем как подчиненная. Не буду мучиться, что нарушаю субординацию, когда жалуясь тебе на жизнь!

И я согласилась. Перешла в архив, а через пару недель познакомилась с Иваром... Мысли об Иваре вновь заставляют меня вспомнить о том, что домой идти неохота. Но сколько можно тянуть? Я осторожно высвобождаюсь из объятий Казимежа, сочувственно улыбаюсь Эдне и покидаю бюро, переполненная воспоминаниями и теплым чувством признательности к людям, которые когда-то приняли меня в городе.

Глава 10

Леденцово-зеленые, нежно-розовые и медово-желтые стеклянные подвески над моей головой тихонько звенят, покачиваясь под легким ветерком. При каждом их повороте по поверхности стола, бумагам и моим рукам скачут солнечные зайчики, вот только в душе моей, в противовес окружающей обстановке, сгущаются тучи. В сопровождении мелодичного звона я заполняю тесты. Сначала, памятуя о замечании Марты, внимательно читаю инструкцию. Мне нужно ответить на вопросы, потом ввести результат в информер, а бумаги уничтожить. Я не очень понимаю, почему нельзя было все сразу заполнить в электронном виде, а не возиться с бумагами, но на все есть причина. Я вот, например, с листа информацию воспринимаю куда лучше, чем с экрана. Может, для эмоционального фона источник знаний тоже имеет значение?

Штрих-код для информера в правом верхнем углу документов выполнен в виде смайла, и я невольно улыбаюсь. Вспоминаю вдруг, что ни разу после встречи с профессором не прибегала к своему любимому развлечению. Впрочем, за эти дни я и не была в ситуации, где праздно наблюдала бы за людьми. Вот, в кафе сегодня с Акселем и Мией сидела, но мы были слишком увлечены разговором, чтобы рассматривать окружающих.

Интересно, а если бы кто-то наблюдал за мной в момент, когда я увидела Ивара с блондинкой, какой смайлик он пририсовал бы над моей пестрой головой? У ревности ведь не существует внешнего проявления. Когда мы сердимся, то хмурим брови. Если злимся – краснеем. Широко распахиваем глаза, удивляясь. Презрительно опускаем уголки губ. А ревную? Может, все дело в том, что сама ревность – смесь разных эмоций: и тревоги, и отчаяния, и гнева, и даже стыда за то, что позволили неприятному чувству одержать над собой верх. Что движет мною сейчас, когда вместо того, чтобы спешить в объятия любимого человека и делиться впечатлениями прожитого дня, я сижу в зеленой беседке и пытаюсь понять, что сегодня со мной творится?

Ажурные кованые беседки, разбросанные по всему городу – еще одна давняя традиция. По поверью еще до появления города, когда здесь было языческое поселение, человек, которому нужно было побыть одному, уходил из дома в храм, поставленный на холме. По поверью, именно на том месте, где сейчас возвышается ратуша. Обращался ли он к богам или к собственному «я» – неважно. Важно было то, что никто не имел права потревожить его, пока он пребывал в храме. Потом вместо храма появилось множество маленьких беседок из белого камня. Видимо, древним людям не нравилось стоять в очереди.

Сейчас же в городе беседки делают металлическими, похожими на огромные птичьи клетки, с той лишь разницей,

что их дверцы никогда не запираются. В последнее время (теперь я знаю, что благодаря Мие) они увиты плющом, который реагирует на человеческие прикосновения и обладает способностью поглощать звуки. Хочешь – можешь полностью укрыться от взоров прохожих под зеленой сенью: прикоснись, и плющ мгновенно оплетет прутья плотным покрывалом. Хочешь – и его листья развернутся так, что никто не услышит твой отчаянный плач или сокровенные признания по телефону. Наверное, плющ – творение тех же ученых, что разработали и быстрорастущие деревья, надо будет спросить у Мии.

Если человек входит в беседку, никто не потревожит его предложением познакомиться или вопросами, как куда-то пройти. И, судя по тому, что я вижу в городе, каждый из нас время от времени испытывает необходимость уединиться посреди толпы. Вот как я сейчас. Только я не плачу и не молюсь, а пытаюсь честно отвечать на вопросы. Выбрать нужный вариант ответа. И с каждым следующим пунктом все острее чувствую, что зря я ввязалась в это неблагодарное дело, потому что вопросы пробуждают к жизни то, о чем мне меньше всего хочется сейчас вспоминать...

Как любит шутить папа, из двух зол выбирай третье. Я с ним согласна, потому что теряюсь, когда выбор ограничен. Но сейчас мне нужно читать и выбирать. «Вариант а) Я считаю, что целью жизни должно быть нечто значительное. Вариант б) Я вовсе не считаю, что целью жизни должно быть

нечто значительное».

В шестнадцать лет я ставила перед собой цель – вырваться за пределы родного города и посмотреть мир. Добиться успеха в какой-то, пока еще не известной области. В общем, заявить о себе. А как иначе, если мы жили в Бжове, провинциальном городке на задворках западной федерации, куда кино привозили раз в полгода, где был один-единственный замусоренный парк со сломанными лавочками, а все развлечения сводились к посиделкам с пивом во дворе? Пиво подросткам пить запрещено, но никто за этим не следил.

Родители меня любили и баловали, в гимназии я была на хорошем счету, и у меня было много друзей-приятелей, но я все равно не могла довольствоваться тем, что есть. Поэтому, когда перед выпускным классом нам объявили, что престижный столичный институт в нашем городе набирает экспериментальный курс, я вострепелась. Вот она, возможность, о которой я мечтала. Лазейка в недоступный мир. И уж этот шанс я не упущу! Все лето я просидела за учебниками и вполне заслуженно прошла отбор и стала студенткой филиала.

Мне всегда нравилось учиться. Знания давались мне легко, книги я обожала, с учителями ладила. Впрочем, как и с одноклассниками, что для отличниц – редкость. Мне не завидовали (ну, это я так по наивности думала), охотно приглашали на дни рождения и в походы, с девочками я дружила, мальчикам нравилась. Я с удовольствием участвовала

в конкурсах и побеждала. И, в общем-то, привыкла к тому, что всегда добиваюсь успеха. Ну, а то, что после моего перехода на экспериментальный курс многие стали здороваться со мной сквозь зубы, приняла, как данность. Наверное, я бы тоже расстроилась, если бы не прошла отбор. Пройдет!

Но, увы, не прошло. Всех счастливчиков прежние друзья стали сторониться, но мы мало обращали на это внимание. Слишком были захвачены открывшимися перспективами, от которых захватывало дух. Занятия строились по вузовскому принципу: не уроки с зубрежкой и бесконечными контрольными, а лекции и семинары. Мыслимое ли дело: преподаватель может непринужденно усесться на край стола, рассуждая об особенностях государственного устройства, растолковать все доступно и внятно, доброжелательно выслушать, поощряя нас формулировать и высказывать свое мнение.

А главное – по итогам года обещали выбрать семь человек, которых возьмут в институт без вступительного вноса и экзаменов. Конкуренция намечалась нешуточная, но пока далекая, и нам важнее было выстоять в бойкоте против остальной школы, а не конфликтовать самим. К тому же, я была уверена, что обязательно попаду в великолепную семерку. А как иначе? Я просто делала, что считала нужным, и не особо задумывалась о правильности своих решений. А вот тест сейчас предлагает мне выбор:

«Вариант а) Я часто задумываюсь над тем, правильно ли

я повел себя в той или иной ситуации. Вариант б) Я редко задумываюсь над тем, правильно ли мое поведение».

Непросто часто – настал момент, когда вопрос о правильности стал первым в списке! С Влади я познакомилась годом раньше, на дне рождения сестры. Он был другом бывшего парня ее лучшей подруги, но сложная характеристика, с которой Ариана мне его представила, взволновала меня куда меньше, чем неприкрытое восхищение во взгляде, адресованном мне при встрече. Уже через пару дней мы стали встречаться, и это было счастье! Влади – милый, внимательный, всегда меня смешил, никогда не реагировал на заигрывания других девчонок. Более того, он, как и я, мечтал о великом будущем. Ах, какие мы строили планы, о каких поездках мечтали! А как радовались, когда оба прошли конкурс и стали учиться в филиале!

Возможно, соперничество за заветное место в институт легло бы тенью на наши светлые отношения, но катастрофа случилась раньше. Почти год Влади терпеливо ограничивался поцелуями, но как-то после очередной вечеринки проявил неожиданную для меня настойчивость.

– Мы уже так долго вместе, – зазывно шептал он, – я с ума по тебе схожу! Аурика, если бы ты знала, как я хочу стать первым. Первым и единственным, слышишь? Мы же будем всегда вместе, правда? Я тебя люблю!

Если бы он, как парень моей подруги полез с претензиями, мол, все парни в их кругу уже добились своего, встреча-

ются «по-взрослому», я бы удержалась. Если бы он, как парень другой моей подруги, то исчезал, то появлялся, не внушая уверенности в будущем отношений, я бы удержалась. Но Влади к волнительному событию подвел меня терпеливо, мягко, но убедительно. Не зря же он грезил о карьере политика и особое внимание уделял ораторскому искусству. И потом, мы давно вместе, у нас все хорошо, должно когда-то случиться то, что случается между влюбленными?

Я, конечно, уступила, хотя и не сразу. Со свойственной мне въедливостью, проштудировала информацию в сети (при доверительных отношениях с мамой я все же не рискнула обращаться к ней за советом). Прочитала, ужаснулась перечисленным возможным последствиям, которыми пугали невинных девушек просветительские сайты, но быстро успокоила себя тем, что нас ничто из перечисленного не коснется.

И ошиблась. Последствие обнаружилось раньше, чем я вошла во вкус и оценила всю прелесть близости и страсти с любимым человеком. С моей стороны это все же была уступка Влади: ни телесно, ни, тем более, душевно я не была готова к происходящему. Как не оказалась готова и к реакции любимого на известие о ребенке.

– Какой ребенок, Аурика, ты что! – изумился он. – И речи быть не может!

Тут же, заметив мою растерянность, Влади обнял меня и зачастил:

– Ну, сама подумай, нам через полгода в столицу ехать учиться, у нас такие планы, такие перспективы! Конечно же, я хочу детей, но... не сейчас. Ты поняла? Досадно, что так вышло, но ты же исправишь положение?

О способе «исправить» досадную случайность я, конечно же, тоже знала. В наш-то просвещенный эмансипированный век. Знала, но боялась. И вот тогда я пошла к маме. Наш разговор запустил целую череду сцен, наполненных слезами, утешениями, увещеваниями, сомнениями и резкими переходами от отчаяния к надежде.

– Какая свадьба? – изумилась мама Влади. – О чем вы говорите вообще!

– Но... – растерялась мама, – они же любят друг друга, они давно вместе и раз уж так получилось... Вы же сама – мать-одиночка, вы должны понимать, каково это!

– Вот именно! – отчеканила пани Иржина. – Не для того я свою жизнь мальчику посвятила, чтобы теперь смотреть, как он растеряет себя в быту. Пеленки-распашонки-колики. Нет уж! Ему к поступлению готовиться надо, его ждут блестящие перспективы в столице. Уж пусть ваша девочка сама как-нибудь выкручивается, если избавиться не хотите.

– Ну, и пусть готовится, – не сдавалась мама, – ну, мы же жили как-то, и учились, и работали, и детей растили. Справились же! Мы поможем!

– Не те времена были! – отмахнулась пани Иржина. – Да и вообще. «Поможете». Вам-то проще говорить, с вашими

доходами, но нам и семью, и жизнь в столице не потянуть. Нет-нет, разговор окончен. Слышать больше ничего не хочу!

Мама сникла. Я вообще сидела, как в тумане, больше всего подавленная тем, что Влади за все время не произнес ни слова. Если бы мы провели вместе одну ночь, как случайные любовники, я бы еще поняла. Но мы ведь уже год были вместе, строили планы. А любовь? А обещания? Почему случившееся вдруг стало только моей проблемой?

Конечно же, мы с Влади расстались. Конечно же, я решила ребенка оставить. Конечно же, мне пришлось уйти из гимназии, когда положение стало очевидным. И понеслось! Больше всего я боялась папиной реакции, но он принял известие стойко, обнял и молча целовал в макушку, пока я рыдала. Но родительской поддержки оказалось мало, чтобы стойко справиться с народным осуждением. Поэтому на следующий вопрос теста ответ очевиден.

«Вариант а) Человек должен спокойно относиться к тому, что он может услышать о себе от других. Вариант б) Вполне естественно обидеться, услышав неприятное мнение о себе».

Обида – слишком мягкая характеристика моего тогдашнего состояния. Боль, растерянность, отчаяние... Уж в наше-то время, когда многие женщины рожали «для себя», не вступая в брак и даже не афишируя имена отцов, казалось бы, что такого в моей ситуации? Но она стала лишь катализатором, запустившим поезд, летящий под откос. До этого мы были идеальной семьей. В отличие от многих, роди-

тели и после двадцати лет брака продолжали любить и заботиться о друге. Папа не выпивал и не гулял, как многие наши соседи. Мама никогда не участвовала в бабских разговорах с критикой мужей. Мы с Арианой – умницы-красавицы, девчонки, которым суждено было выскочить за пределы затхлой провинциальной жизни. В доме – достаток: папа работал на единственном в городе мебельном производстве, мама держала сувенирный магазин, процветавший благодаря ее деловой хватке, оригинальному взгляду на подачу товара и умению найти подход к клиентам.

И тут – я с «подарком» в неполные семнадцать лет, да еще и незамужняя. Словно убрали невидимую заслонку, и поток злословия вырвался наружу. Я перестала выходить из квартиры, не в силах выносить осуждающий шепоток соседок за спиной. Мамин магазин бойкотировали. Мол, негоже покупать товары для счастливых свадеб у женщины, которая за собственной дочкой не уследила. Ариану принялись травить одноклассники, отпуская шуточки, что она станет теткой незаконнорожденного (ну, говорилось, конечно, грубее).

– Золотце, пойми, не в тебе дело, – успокаивала меня мама. – Просто люди... пользуются возможностью. Знаешь, сколько раз мне предлагали продать магазин? И просили, и угрожали? Еще бы – здание-то в самом выгодном для торговли месте. Теперь просто появился шанс вынудить меня уйти. А вам с Арианой девчонки просто всегда завидовали, вот теперь и злорадствуют.

Но меня ее слова мало утешили. Напротив, горько было осознавать, что я запустила механизм травли. Ариана, на тот момент, переживающая и без того сложный подростковый период, внезапно сорвалась с цепи. Стала прогуливать уроки, допоздна шататься по городу с подозрительными компаниями. На родительские увещевания только выкрикнула, мотнув головой в мою сторону:

– А что, ей можно, а мне нельзя? Я всю жизнь только и слышу: Аурика то, Аурика се, бери пример со старшей сестры! И посмотрите на вашу старшенькую!

Папа, недолго думая, отвесил Ариане хлесткую пощечину. Она замерла, потом с плачем убежала из дома и два дня не появлялась. Мама слегла. Потом, правда, блудную дочь вернули, она затихла и даже извинилась, но в наших, таких прочных, прежде, отношениях прошла трещина.

– Перестань ты реветь! – сдержанно бросал папа после моей очередной попытки выйти из дома. – У баб вечно языки чешутся. Сейчас где-то у кого-то что случится, начнут о них судить-рядить, о тебе забудут!

Забыть, конечно, не забыли, но со временем и впрямь пересуды поутихли. Просто выросла между нашей семьей и горожанами невидимая стена отчуждения. Но, как говорится, привыкнуть можно ко всему. Привыкнуть, но не смириться. Во внешнем мире я продолжала что-то делать, послушно навещать врача, помогать маме с делами. В мире же внутреннем поселился вечный критик, день за днем упорно уничто-

жающий остатки былого уважения к себе.

«Вариант а) Мое чувство самоуважения зависит от того, чего я достиг. Вариант б) Мое самоуважение не зависит от моих достижений».

Самым большим достижением стало – продержаться без слез хотя бы один день. Беременность я отходила тяжело, с такими-то нервами. Про то, как скажется это на будущем ребенке, я не думала, несмотря на мамины увещевания. Я вообще смутно представляла себе, что там за существо, из-за которого так резко изменилась моя жизнь. Не из-за него, поправляла я себя, и даже не из-за собственной глупости. Случайность. Стечение обстоятельств. Меньше всего я хотела превратиться в девушку, которая свалит вину и неприязнь на неродившегося еще малыша.

Не могу сказать, что с появлением Юсси жизнь обрела смысл. Нет, теперь жизнь, по-прежнему, представлялась мне чем-то размытым, тяжелым, не смысл в ней появился, но утешение. Тот водопад нежности и умиления к крохотному беззащитному малышу, который обрушился на меня сразу, как только улеглось первое чувство паники и ощущение собственной беспомощности.

Дом наполнился возней, воркованием и смехом. Юсси со свойственной младенцам легкостью вновь скрепил расшатавшуюся основу нашей семьи, и даже Ариана, смыв ужасный боевой раскрас с лица, по вечерам устраивалась с племянником в кресле и что-то тихонько ему нашептывала.

За пределами дома все оставалось по-прежнему. Я старательно не замечала, как обходят меня стороной мамочки с колясками; как они поспешно уводят малышей, желающих познакомиться с подросшим Юсси. Иногда я сталкивалась с девчонками из школы, которые теперь взхлеб рассказывали о студенческой жизни, наполненной приключениями и открытиями. Кивала, лоя огоньки злорадства в их глазах, и уходила, с трудом сдерживая слезы.

Я радовалась каждой улыбке Юсси, каждому его шагу, каждому новому слову, но при этом меня не оставляло ощущение, что это все – понарошку, что я вернулась во времена, когда нянчилась с маленькой Арианой, что это – мой братишка, а не сын. Мир сузился до пространства детской комнаты, на полках шкафа вместо энциклопедий и методичек прочно обосновались книжки-грызушки. Я перестала смотреть новости, чтобы не сожалеть, что яркая, насыщенная жизнь проходит мимо...

Почему сейчас так дрожат руки? Я ведь была уверена, что чудесная атмосфера, которая окружает меня после переезда из Бжова сюда, исцелила меня и примирила с прошлым. Но, получается, что это – не больше, чем иллюзия. Всего-то и нужно было: заполнить вопросник.

«Вариант а) Если бы была возможность вернуть прошлое, я бы там многое изменил. Вариант б) Я доволен своим прошлым и не хочу в нем ничего менять».

Нет, не могу больше. Не могу! Я сгребая листы с запол-

ненными тестами в охапку, дотрагиваюсь до бархатисто-зеленого листа и, не дождавшись, пока дрожащий зеленый полог полностью развернется, укрывая меня от мира, плачу, плачу навзрыд. Подвеска над моей головой звенит тонко и тревожно.

Глава 11

Как ни откладываю я возвращение домой, мои усилия оказываются напрасными, потому что во время традиционного кормления хомяка-копилки замечаю рядом записку от Ивара: приехала комиссия из столицы, и теперь он ведет всю честную компанию в ресторан, вернется поздно.

От ужина я отказываюсь под предлогом, что нужно выполнить много заданий на завтра. Под тем же предлогом удастся избежать маминих распросов о первом учебном дне. Папа занят в мастерской, предусмотрительно открыв дверь, чтобы было видно внука в саду. А Юсси так увлечен наблюдением за каштаном, что мою честную попытку расспросить его об экскурсии отмечает нетерпеливым взмахом перепачканной ладошки.

И я сбегая под спасительное укрытие чердака. На кровати – безукоризненно разглаженное покрывало. Ни следа моих утренних сборов: вся одежда аккуратно возвращена в шкаф, украшения разложены по шкатулкам. Я чувствую легкий укол в сердце. Ну, вот зачем Ивар это делает? Даже если я что-то и не успела, а он, забежав переодеться, застал хаос в комнате, зачем демонстративно все убирать? Я бы и сама справилась!

Усилием воли заставляю себя доделать тест, благо после слез, пролитых под надежным укрытием зеленых листьев бе-

седки, мне стало значительно легче. Остальные тесты я прохожу внимательно, но, к счастью, они не задевают чувствительных струн моей души. Внимательно изучаю расписание. Интересно, зачем нам спортивные занятия и лекции по искусству? Я думала, что здесь будут только психологические дисциплины.

Ввожу в информер код заполненных страниц, потом сгребаю листы в стопку и растерянно оглядываюсь. Шредера у меня дома нет, а нести бумаги на работу как-то глупо. Просто их порвать? А, может, сжечь? Долго разглядываю аккуратно сложенные дрова у камина, пока не осознаю, что разжигать его не умею: этим всегда занимается Ивар. Но образ освобождающего огня уже пляшет перед глазами, и я спускаюсь в сад.

– Пап, а давай в саду костер разведем?

Чудесная особенность папы – отсутствие скептицизма. Он не спрашивает, что это взбрело мне в голову и почему нельзя растопить камин. Он просто кивает и отправляется за дровами. Юсси приходит в восторг. В саду уже густо-чернильные сумерки, слышно, как шуршат на каштане новые листья, но ничего уже не разглядеть.

Когда огонь разгорается, я прошу Юсси, уже держащего наготове прутики и ломтики хлеба, немного подождать и осторожно поджигаю документы. По краю листов мгновенно принимаются плясать язычки пламени, бумага скукоживается, чернеет и осыпается пеплом. Может, это самовнуше-

ние, но я чувствую, как мне становится легче. Или это близость костра магнетически действует, возвращая сознание во времена, когда люди собирались у огня, как у островка безопасности?

Юсси принимается печь хлеб, папа приносит плетеные кресла с веранды, а мама осторожно укутывает мои поникшие плечи пледом, связанным из разноцветных махровых шариков (результат еще одного ее недолгого увлечения). И мы долго сидим, околдованные простотой и очарованием осеннего вечера: ароматами прелой листвы, тихим шелестом деревьев, теплом, идущим от костра.

Переполненная впечатлениями дня я постепенно погружаюсь в легкую дрему. Сквозь сонную завесу слышу тихие голоса родных: мама уговаривает Юсси, что пора в кровать.

Папа уходит за водой, чтобы залить костер. Не надо, пожалуйста его, хочется сказать мне. Костер похож на диковинную птицу, бьющую крыльями, от взмаха которых разлетаются в стороны искры, расчерчивая огненными штрихами вечернюю тьму. Но слова отказываются приходить, пляшут где-то на краешке сознания, щекочут волосы, я неловко отмахиваюсь от них, и по пальцам стекают розовые и зеленые струйки краски, которую я вроде бы смыла перед зеркалом в кабинете Марты. Зеркало дразнится, доказывая мне, что все не так...

– Я пропустил самое интересное? – спрашивает кто-то очень знакомый.

– Тшш... Аурика засыпает совсем, – тихо откликается мама.

И тогда меня подхватывают сильные руки, и я покорно-привычным жестом склоняю голову на крепкое плечо, с наслаждением вдыхая родной запах. Позволяю себе погрузиться в сладостно-расслабленную дрему и все же каким-то усилием удерживаюсь, чтобы ощутить, как меня укладывают на кровать, как заботливо раздевают, невзначай лаская обнаженную кожу. Как потом Ивар укладывается рядом, целует меня в волосы, так что его дыхание, в котором смешивается запах вина и вишневого табака, щекочет мою шею. И вот уже тогда, уверившись, что все хорошо, что счастье от близости любимого мужчины, как прежде, окутывает меня мягким теплом, я позволяю себе окончательно соскользнуть в сон.

А просыпаюсь все от тех же прикосновений, только теперь дразняще-настойчивых.

– Вставай, соня, – тормозит меня Ивар, – на работу опоздаешь!

Начинается утренняя суета, во время которой я успеваю получить от Ивара легкий упрек в том, что посиделки у костра устроили без него.

– Это спонтанно получилось. И потом, мы же не знали, когда ты вернешься, – я отвечаю, не вкладывая упрек в слова, лишь потом спохватываюсь, что выстраиваю шаткий мостик к объяснению вчерашнего.

– Если б ты знала, с какой радостью я променял бы вчерашний ужин на семейный вечер! – смеется Ивар. – Эти столичные чинуши – такие снобы! Мы повели их ужинать к Анджею, и что получили? Презрительные усмешки и рассуждения о том, как примитивно и убого поставлено обслуживание в провинциальных забегаловках. Представляешь, называть заведение Анджея забегаловкой?

Да уж. Ресторан Анджея – самое уютное заведение в городе, двухэтажный сруб в окружении старых сосен, с непередаваемой атмосферой и очень вкусной местной кухней. Именно там, во время романтического ужина Ивар недавно сделал мне предложение, которое я, правда, в замешательстве, пока не приняла, но это другой вопрос. Мне становится обидно за Анджея и за город, к которому чужаки относятся столь пренебрежительно.

– Да кто они вообще такие?

Ивар морщится:

– Конфликт с Донатом повлек за собой более серьезные последствия, чем мы ожидали. Насколько я успел понять, это была осознанная провокация. Кому-то в верхах не по вкусу, что город живет по своим законам и не желает жертвовать историческим обликом и традициями в угоду веяниям моды. Эти люди из комиссии хотят, чтобы мы обосновали целесообразность соблюдения законов, которые, по их мнению, давно устарели. Я вчера водил их по городу, они восторгались и ахали, постепенно растерялись по дороге: один

на трамвае уехал кататься, второй застрял на улице-реке, третья по площади меня таскала, разглядывая архитектурные изыски. Правда, потом все сама и испортила, когда начала сверять особенности построек со стандартами из своего ведомства...

Ну, вот все и объяснилось. Сейчас я не понимаю, что со мной было вчера. Может, проходя через двери института, мы подверглись какому-то воздействию, которое, например, провоцирует несвойственные нам эмоции. Или будит то глубинное, дремлющее, что неохота трогать и признавать? Как бы то ни было, сейчас, когда Ивар все это мне рассказывает, вчерашние сомнения кажутся мне смехотворными! Нужно будет у Аксея с Мией расспросить, не заметили ли они у себя странных перепадов в настроении?

– Значит, город хотят модернизировать? – спрашиваю я с легкой тревогой.

– Ничего, отобьемся, не в первой! – уверенно отвечает Ивар. – Просто нужно разобраться, кто за всеми этими нападками стоит. Ну, а ты как? Я вчера не решился тебя будить. Как занятия прошли?

– Хорошо, – почти честно отвечаю я. – Но пока ничего особенного.

Ну, да, если не считать волшебного кота, дверей, открывающихся в разные точки города, моего случайного возвращения, странного города за окном аудитории, разговора со Стефаном и заданий, вызвавших у меня эмоциональную бурю...

Ивар испытующе смотрит на меня, потом касается губ легким поцелуем:

– Ладно. Захочешь – расскажешь, верно?

Я пожимаю плечами и принимаю беспечный вид. Есть у меня ощущение, что если я скажу, что нам запрещено рассказывать обо всем, что происходит в стенах института, это вызовет куда больше вопросов!

На работу мы идем вместе, попутно решив завести Юсси в гимназию. Выслушиваем его восторженные рассказы об экскурсии. Меня больше волнует техника безопасности: разве нормально было пускать детей, да еще таких неугомонных, как Юсси, в лабораторию? Каждый раз, как речь заходит об экспериментах с выведением новых пород деревьев, я вспоминаю ужасную историю родителей Марты. Вот, даже когда мы каштан в саду сажали, я заставила Юсси наблюдать за его появлением, отойдя на приличное расстояние, а для верности еще и крепко держала его за руку.

Ивар же подробно расспрашивает Юсси о подробностях эксперимента, о том, дали ли им посмотреть на процесс через био-визор и еще что-то, в чем я не разбираюсь. Что, впрочем, не мешает мне испытывать огромное чувство благодарности к Ивару за то, что он так хорошо ладит с Юсси.

Если честно, сразу после нашего знакомства я устроила Ивару своеобразную проверку. Решила, что раз уже в моей жизни есть факт раннего материнства, то невинную юную деву я разыгрывать не буду. Поэтому, когда Ивар после на-

шего недопонимания с делами архива вечером вновь возник на пороге, букет роз я благосклонно приняла, а вот от по- сиделок в кафе отказалась. Предложила встретиться на дру- гой день – в парке. В конце концов, суббота – традиционный день досуга с сыном, почему я должна что-то менять?

Если тогда Ивар и смутился, увидев рядом со мной бегущего вприпрыжку Юсси, то виду не подал. Стойко переходил с нами от аттракциона к аттракциону, купил нам обоим мороженое и леденцы, и даже помог Юсси выбить молотом высший бал, чем сразу покорил его юное сердце. Когда мы устроились в тени на лавочке, наблюдая, как неугомонный Юсси гоняется за белками в тщетных попытках накормить их семечками, Ивар заметил:

– Забавный у тебя братишка.

– Это не братишка, это сын, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все так и переворачивалось от волнения.

После долгой паузы Ивар сказал:

– Ну, для меня это ничего не меняет. Я имею в виду, мое желание узнать тебя поближе. Или, учитывая ситуацию, вас обоих.

– Честно?

Я не очень поверила, сочла это данью вежливости. А что он тогда мог сказать? Лишь на миг пожалела о своей затее, запоздало сообразив, что Ивару объяснить про Юсси будет гораздо проще, чем потом Юсси объяснять про Ивара. Если

до этого мой не по годам смышленный ребенок и видел рядом со мной мужчин, то это были исключительно деловые контакты: Казимеж, охранники бюро, курьеры, продавцы. А теперь веселый и сильный дяденька проводит с нами день, катает Юсси на плечах, выуживает из пруда сбежавший кораблик. И что я буду делать, если уже завтра этот мужчина, ставший в глазах Юсси настоящим героем, исчезнет, решив, что не стоит связываться с матерью-одиночкой?

В очередной раз я потерпела крах: и как внимательная мама, и как влюбленная девушка. Не только Юсси хватило нескольких часов, чтобы проникнуться к Ивару восхищением! Но, на мое счастье, тому, кто сидел рядом, были неведомы мои внутренние метания. Он взял меня за руку и сказал спокойно:

– Я вообще стараюсь быть честным, а уж в делах сердечных особенно.

Так и мы и сидели, взявшись за руки и наблюдая за Юсси. Позже я рассказала Ивару версию событий, которые в итоге привели нас в этот город. Изложила факты кратко, тщательно избегая говорить о том, что пришлось пережить. Мне не хотелось специально его разжалобить или заставить мне сочувствовать. И, к моему облегчению, он не стал обсуждать то, что услышал. Просто обнял крепко-крепко и держал долго-долго, пока у меня не высохли слезы. Он, в свою очередь, поведал мне про Лешека, и теперь мне стало понятнее, почему Ивар так быстро нашел подход к маленькому мальчику.

С того дня прошло уже три года, и за это время Юсси с Иваром стали настоящими друзьями. Увлеченными единомышленниками, когда дело касается чертежей и сбора моделей. Иногда даже – верными заговорщиками, как в тот раз, когда они тайком уехали на дамбу (я не отпускала) и получили от меня нагоняй. Ну и, редко, спорщиками: Ивар не лезет в мои методы воспитания, но все же вынужден иногда решительно вмешиваться, пресекая совсем уж откровенные безобразия Юсси. Если в Бжове я постоянно слышала, что никто не примет чужого ребенка, то Ивар, к счастью, день за днем опровергает эти предубеждения, сам того не подозревая. Если кто в нашу идиллию и вносит смуту, так это я сама...

Глава 12

Вилма долго вчитывается в мой сертификат на обучение, но не из недоверия, а по укоренившейся привычке внимательно изучать документы. Потом говорит:

– Ну, что ж, красавица моя, учиться – значит, учиться. Все лучше, чем декрет. Ой, ну ты же понимаешь, я ничего такого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.